

Комар А.В., Хардаев В.М.

ЗАЧЕПИЛОВСКИЙ (“НОВОСАНЖАРСКИЙ”) КОМПЛЕКС РУБЕЖА VII-VIII ВВ.

Зачепиловский или “Новосанжарский” комплекс по богатству и количеству находок уступает в ряду памятников перещепинской культуры только наиболее ярким и известным комплексам из Малой Перещепины, Вознесенки и Глодос. В то же время это ближайший пункт к месту обнаружения эпонимного комплекса культуры – Перещепинского, что традиционно заставляет исследователей рассматривать обе находки как тесно взаимосвязанные культурно, этнически и хронологически.

Пребывание Зачепиловского комплекса “в тени” своего более яркого предшественника обусловлено также характером его сохранности и введения в научный оборот. В краткой публикации А.Т.Смиленко (Смиленко А.Т., 1968), представившей выборку из более обширной рукописи А.К.Тахтая (Тахтай А., 1930), утверждалась полная утрата коллекции находок комплекса во время Великой Отечественной войны. Это мнение продержалось неизменным до выхода статьи А.И.Семёнова, идентифицировавшего все 7 византийских солидов из комплекса в коллекции Полтавского краеведческого музея (Семёнов А.И., 1988). Позже золотые серьги и подвески из Зачепиловки были опознаны в коллекции Музея исторических драгоценностей Украины (Комар А.В., 2006, с.62), что для авторов послужило поводом для дальнейших поисков, увенчавшихся идентификацией ещё трёх предметов. Серьёзно недооценённым оказался и потенциал архивных документов, позволяющих в настоящее время составить целостное представление о большей части утраченных предметов комплекса (Комар О.В., Хардаев В.М., 2011).

Накопление информации на фоне всё возрастающего интереса исследователей к памят-

никам перещепинской культуры в целом обусловило актуальность новой детальной публикации Зачепиловского комплекса¹.

Обстоятельства обнаружения и формирования коллекции комплекса

10 октября 1928 г два мальчика-пастушка – И.К.Юрко и И.Я.Юрко – жители с.Зачепиловка Новосанжарского р-на Полтавской обл. заметили в песчаной балке к юго-западу от села железные пряжки и разбитый стеклянный кувшин. Заинтересовавшись находкой, мальчики копнули руками песок, обнаружив у поверхности 6 серебряных “мисочек” (полусферические бляшки), которые поделили между собой. На следующий день, возвратившись на место находки, мальчики продолжили раскопки, добыв опять “мисочки” и целую стеклянную чашу. Последняя досталась И.К.Юрко, показавшему дома находку отцу. Решив приспособить под солонку покрытый белым налетом древний стеклянный сосуд, К.Ф.Юрко попросил жену помыть его кипятком, от чего чаша разлетелась вдребезги и была выброшена.

12 октября К.Ф.Юрко отправился на место находки с лопатой, на глубине всего четверти штыка выкопав большую часть предметов комплекса. В процессе раскопок к нему подошли ещё двое крестьян – М.Борт и член сельсовета Д.П.Чернуха, которые видели все обнаруженные К.Ф.Юрко предметы, что и сыграло позже ключевую роль в сборе коллекции комплекса.

Видя, что К.Ф.Юрко не спешит со сдачей “клада” государству, 14 октября Д.П.Чернуха подал в сельсовет официальное заявление о находке с приложением реестра найденных ве-

¹ Авторы выражают искреннюю признательность А.Б.Супруненко, Т.Е.Романовской, а также Д.Д.Елшину и К.А.Михайлову за помощь в подготовке настоящей публикации.

щей. На следующий день, по постановлению РВК, к К.Ф.Юрко был направлен милиционер с распоряжением изъять “клад”. Но на предложение сдать находку К.Ф.Юрко заявил, что уже успел выменять вещи на сапоги, а кому именно, “забыл”. Только благодаря “настойчивым требованиям”, т.е. (учитывая специфику времени) – прямым угрозам, К.Ф.Юрко согласился выдать находки. Как оказалось, к “силовому” варианту развития событий находчик готовился заранее, поскольку вещи оказались закопанными в различных местах двора, а один из тайников располагался за целую версту от дома в лозняке. Поскольку изъятие вещей происходило только по предварительному списку Д.П.Чернухи, написанному по памяти и, несомненно, неполному, дробление комплекса на мелкие тайники вполне позволяло К.Ф.Юрко утаить часть предметов. На этот факт следует обратить особое внимание, поскольку ниже, при анализе находок, мы столкнёмся с явной некомплектностью пояса и декоративных обкладок оружия. Сданные вещи были перевезены в РВК г.Новые Санжары.

Новость о “кладе” быстро облетела не только с.Зачепиловку, но и соседние сёла, и близлежащий г.Новые Санжары. По словам А.К.Тахтая, “на зачепилянские пески двинулись отовсюду люди с лопатами, и работа коллективная и самостоятельная продолжалась здесь несколько дней” (Тахтай А., 1930, с.3). Судя по отчёту, обнаружить пропущенные К.Ф.Юрко предметы удалось многим крестьянам, в частности, в деле числится ещё один фигурант, сдавший вещи, – П.Г.Курило.

19 октября известие об обнаружении “клада” от К.Ф.Юрко и П.Г.Курило поступило в Полтавский краеведческий музей, куда была передана и часть предметов: “золотая византийская монета, несколько фрагментов золотых тонко-листных бляшек, обломки стеклянной граненной чаши, железные стрелки и т.п.” (Тахтай А., 1930, с.3). Специально командированные сотрудник археологического отдела А.К.Тахтай и заместитель директора Полтавского музея Я.Е.Рыженко получили клад из сейфа РВК Новых Санжар, но только спустя полторы недели после раскопок К.Ф.Юрко экспедиция музея смогла прибыть непосредственно на место находки, застав его полностью перерытым.

Под руководством А.К.Тахтая по периметру вокруг перекопа по нетронутому песку были разбиты траншеи, образовавшие квадрат раскопа площадью 5 м² (очевидно, 2×2,5 м). Двигаясь от стенок раскопа к центру, был последовательно пересеян весь песок до глубины 1 м. В результате были обнаружены “фрагмент тонкой золотой бляшки, несколько обломков сабли, части железных удилищ, стремян, пряжек, фрагменты сосуда из тонкого зеленого стекла и т.п.”, а также кости коня (рёбра и фрагмент челюсти с зубами). В стратиграфическом разрезе на глубине 0,3-0,5 м фиксировалась песчаная прослойка тёмно-коричневого цвета (“брунатового”) толщиной в несколько сантиметров. Специально заложенные разрезы в северном и восточном направлениях до границ балки показали продолжение этого слоя далее, что позволило предположить его связь с геологическим строением балки.

Параллельно этнограф Я.Е.Рыженко продолжил собирать находки у жителей с.Зачепиловка, чему во многом помогла выплата из фонда музея награды в 50 руб. К.Ф.Юрко. За небольшую плату Я.Е.Рыженко удалось приобрести несколько золотых монет, каменную бусину, серебряные бляшки и некоторые другие предметы.

Вся коллекция поступила в Полтавский музей, где была внесена А.К.Тахтаем в инвентарную книгу 12.01.1929 под номерами 3792-3835 как предметы, добытые “10-11 октября 1928 г. путем раскопок, совершенных в с.Зачепиловка Юрко и другими после него”. Судя по записям инвентарной книги, 31 января 1929 г. музею удалось приобрести ещё несколько предметов (7 бусин, фрагмент золотой обоймицы и фрагмент зеркала) от П.Г.Курилы, внесённых в книгу под № 3836. Ещё раз за находками из комплекса сотрудники музея ездили в 1929 г. (Граб В.И., Супруненко О.Б., 1991, с.19); новые записи были внесены под № 3988-3991.

Публикации и судьба коллекции

В атрибуции предметов комплекса с самого начала принял активное участие А.А.Спицын. В Научном архиве ИИМК РАН (Ф.5, № 330, л.277-280) в составе архива А.А.Спицына (в так называемых “Спицынских корочках”)

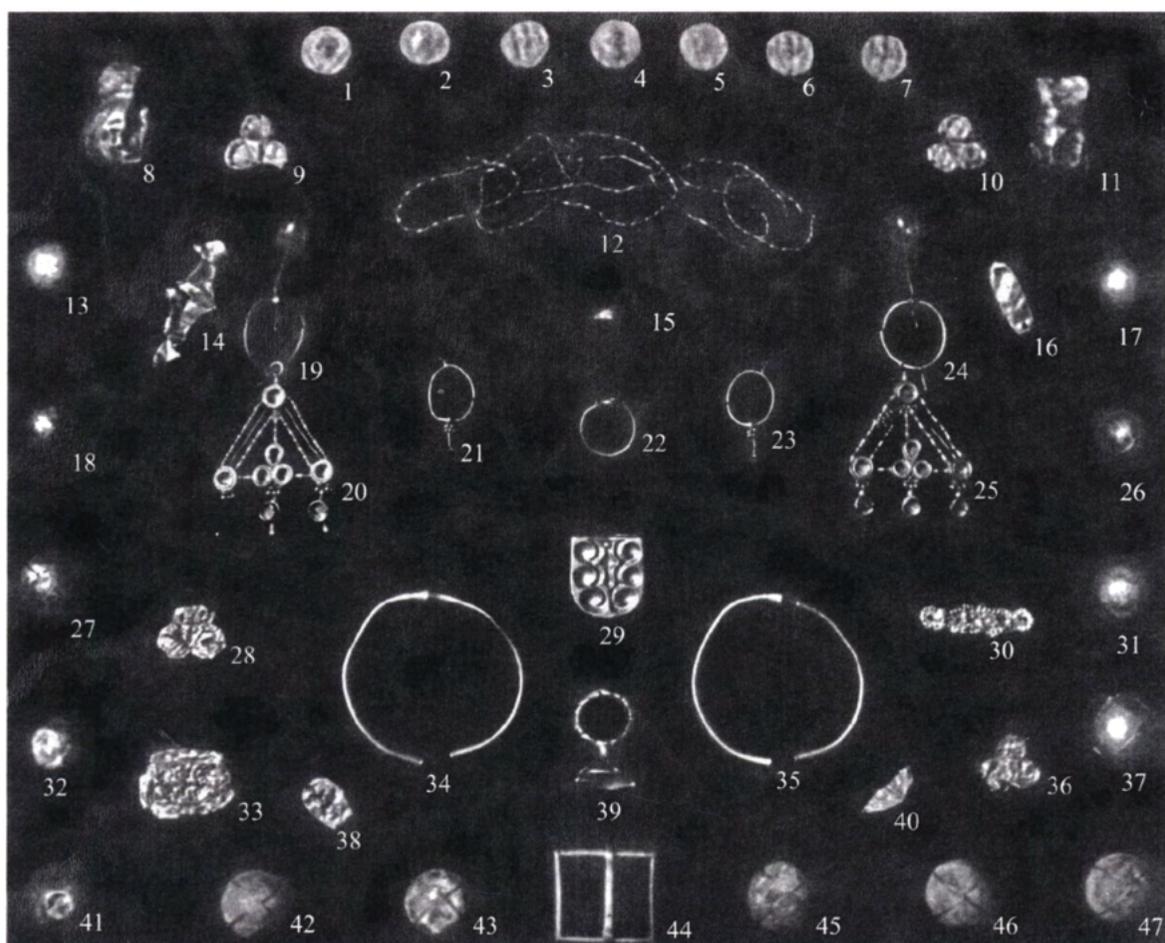

Рис. 2. Зачепиловский комплекс. Фото из архива А.А.Спицына (Архив ИИМК РАН).

Fig. 2. Zachepilovka complex. A photo from A.A.Spitsyn's archive (Archive of the Institute for the History of Material Culture of the Russian Academy of Sciences)

уже 20.04.1929 (Кропоткин В.В., 1962, с.36).

Детальный отчёт об обстоятельствах обнаружения комплекса и его коллекции был составлен А.К.Тахтаем в виде предварительной публикации, в которой исследователь выражал признательность А.А.Спицыну за консультации и помощь в поисках аналогий, а также уже использовал определения монет Н.П.Бауера (Тахтай А., 1930). Рукопись поступила во Всеукраинскую археологическую комиссию (Киев), но так никогда и не была опубликована по политическим обстоятельствам.

В конце лета 1929 г А.К.Тахтай был арестован по подозрению в причастности к "Союзу освобождения Украины", проведя в

следственном изоляторе полгода (09.09.1929 – 01.04.1930). Повода ждали давно, ещё в январе 1928 г в секретном протоколе по персоналу музея А.К.Тахтай был классифицирован как "социально враждебный элемент". Но и красноармейское прошлое, и откровенно слабая причастность исследователя к литературным кружкам, методично объявлявшимся в деле СОУ "антисоветскими террористическими организациями", на этот раз позволили избежать приговора. Во время пребывания в заключении исследователь набросал отчёт о разведках 1929 г, а, очевидно, уже после освобождения – статью о Зачепиловском комплексе². Однако нарастающая в стране волна истерии страха

² Сама рукопись не датирована, но в тексте находка прямо названа "позапрошлогодней".

по поводу массовых репрессий украинской интеллигенции дошла в Полтавском музее до абсурдной точки – за время заключения А.К.Тахтая там даже успели выбросить часть собранной им для музея коллекции (Граб В.І., Супруненко О.Б., 1991, с.21).

Сталинский репрессивный аппарат редко ослаблял хватку – следующий арест исследователя произошел в марте 1934 г, а в 1949 г вновь по сфабрикованному обвинению А.К.Тахтай был осуждён за “сотрудничество с фашистами” и “антисоветскую агитацию” (Граб В.І., Супруненко О.Б., 1991, с.23-52). С каждым арестом у исследователя изымались рукописи научных работ и дневники, вследствие чего значительная часть наследства А.К.Тахтая ныне безвозвратно утрачена. Умер исследователь в 1963 г, так и не дождавшись реабилитации. И хотя благодаря политической “оттепели” в последние годы жизни его статьи вновь появились в центральных археологических изданиях, А.К.Тахтай не успел подготовить к печати свои рукописи, созданные за время работы в Полтавском, Херсонском и Донецком музеях, посвящённые ярким раннесредневековым кочевническим комплексам: Зачепиловскому (Тахтай А., 1930), Келегейскому (Тахтай А., 1932) и Чистяковскому (Тахтай А., 1999).

К 60 гг XX в. Зачепиловский комплекс был известен в основном благодаря атрибуциям византийских монет Н.П.Бауера, повторённых в ряде работ нумизматов (Кропоткин В.В., 1962, с.36), пока в процессе подготовки к публикации нового найденного комплекса перещепинской культуры – Глодосского – на рукопись А.К.Тахтая не обратила внимание А.Т.Смиленко (Смиленко А.Т., 1965, с.46). В 1968 г исследовательница опубликовала краткие выдержки из рукописи А.К.Тахтая с фотографиями 6 монет, 11 предметов и графическими рисунками ещё 3 предметов (Смиленко А.Т., 1968). В публикации упоминалось наличие дополнительных фотографий в архиве А.А.Спицына, но использована из них лишь фотография стеклянной чаши (Смиленко А.Т., 1968, с.160, рис.1, 12). Сама коллекция комплекса, по мнению А.Т.Смиленко, погибла во время Великой Отечественной войны. Поскольку А.К.Тахтай назвал в своей рукописи комплекс “Ново-Санжарским”, именно с таким названием он был введён в научный обо-

рот и А.Т.Смиленко (“Ново-Санжарский”), и именно так чаще всего именуется в профессиональной литературе, хотя параллельно фигурирует и привязка к реальному месту находки – с.Зачепиловка.

Полной утраты коллекции комплекса во время войны, как установлено в настоящее время, не произошло. В 1941 г в связи с приближением фронта коллекции Полтавского краеведческого музея (ПКМ) были подготовлены к эвакуации. После же завершения войны в 1947-1949 гг ценные предметы возвратили в депаспортизованном виде, после чего они были записаны к книгу поступлений музея под новыми инвентарными номерами. В 1964 г в процессе формирования Музея исторических драгоценностей Украины часть золотых предметов из коллекции ПКМ была переданы Киевскому историческому музею. Обратившись в ПКМ после 1965 г, А.Т.Смиленко действительно получила ответ об отсутствии здесь старых инвентарных номеров, соответствующих Зачепиловскому комплексу.

При этом ещё в 1957 г 2 “беспаспортных” лёгких солида Константа II из ПКМ были опубликованы Х.Л.Адельсоном, предположившим их происхождение из Перещепинской или Зачепиловской находок (Adelson H.L., 1957, № 166, 167). А в 1983 г сотрудники Полтавского музея предложили атрибутировать золотые византийские монеты из собрания музея А.И.Семёнову, который опознал среди монет все 7 солидов из Зачепиловки. Исследователь опубликовал два солида Константа II, в том числе и монету, невошедшую в публикацию А.Т.Смиленко (Семёнов А.И., 1986, с.96-97, рис.1, 3, 4). Атрибуция А.И.Семёнова свидетельствовала, что не все предметы Зачепиловского комплекса утрачены во время эвакуации, но непосредственно в фондах ПКМ других предметов комплекса не числилось (Граб В.І., Супруненко О.Б., 1991, с.59).

В конце 90 гг XX в. в ряде изданий Музея исторических драгоценностей Украины (МИДУ) появились цветные фотографии золотых подтреугольных подвесок, соединённых в цепочку с двумя золотыми серёжками (№ АЗС-1807/1-2) (рис.3), датированных В.М.Хардаевым VII-VIII вв. (Золота скарбница України, 1999, с.154, кат.73). О.М.Приходнюк использовал эту пару подвесок лишь в качест-

ве аналогий при анализе Зачепиловского комплекса (Приходнюк О.М., 2001, с.32; фото 16), а А.В.Комар предположил их тождественность непосредственно предметам из Зачепиловки. Благодаря консультации А.Б.Супруненко, подтвердившего факт передачи Полтавским краеведческим музеем ряда экспонатов в Киев в 1964 г, среди которых могли быть и предметы из комплекса, тождественность подвесок "АЗС-1807/ 1-2" зачепиловским стала очевидной, что и было отмечено в работе 2006 г (Комар А.В., 2006, с.62).

Это предположение подтвердили инвентарные книги МИДУ и ПКМ, которые действительно фиксировали передачу по акту от 31.12.1964 пары подвесок инв. № 7646, получивших в МИДУ номер АЗС-1807/1-2. Какие ещё предметы из комплекса были переданы вместе с сережками и подвесками? Таких в фондах МИДУ, к сожалению, оказалось лишь три: золотые браслеты АЗС-1810 и АЗС-1811

(старые номера ПКМ 1947 г: № 7658, 7659) и перстень АЗС-1805 (ПКМ 1947 г – № 7649). В книге ПКМ 1947 г подвески были атрибутованы как "Восток, III-IV вв.", браслеты – "VI в.", а перстень – "Восток, XVI ст." С такой же атрибуцией в 1964 г предметы были переданы в МИДУ и заняли место как беспаспортные находки в разных фондах хранения. Попытки обнаружить в фондах МИДУ ещё два золотых предмета из Зачепиловки – перстень и наконечник ремня – удачей не увенчались.

Констатируем, что от коллекции Зачепиловского комплекса документировано сохранились 16 золотых предметов: 7 монет, 4 серьги, 2 подвески, 2 браслета, 1 перстень. Не располагаем мы пока точной информацией о местонахождении серебряных предметов и различных фрагментов бляшек, что может объясняться принципом сортировки находок по коробкам. Но утрата, по крайней мере, двух золотых предметов – наконечника пояса и перстня – в версии об отдельном хранении массивных золотых предметов выглядит маловероятной: мы полагаем, что данные предметы также должны сохраниться в фондах ПКМ в депортированном виде.

Судьба части зачепиловской коллекции из недорогих предметов более сложная. Здание ПКМ действительно было разрушено и сгорело во время Великой Отечественной войны, но сотрудниками музея среди развалин старательно собраны все остатки коллекций, хранящиеся до настоящего времени в практически неразобранном виде. Обожжённые и повреждённые, эти предметы, тем не менее, всё ещё ждут своей идентификации, и среди них весьма вероятно наличие зачепиловских предметов³.

Потенциал архивных документов для изучения утраченной части Зачепиловского комплекса также недооценён. Состояние самой рукописи А.К.Тахтая (Тахтай А., 1930) создаёт впечатление лишь черновой версии, готовившейся к чистовой перепечатке; в рукописных приложениях содержатся вопросы к редактору, как лучше расположить ту или иную информацию – в приложении или основном тексте. Также следует обратить внимание на ссылки в тексте на целый ряд иллюстраций,

Рис. 3. Подвески № АЗС-1807/1-2 (МИДУ).

Fig. 3. Pendants № АЗС-1807/1-2 (Museum of Historical Treasures of Ukraine)

³ Позитивная предварительная информация связана со стеклянной чашей и серебряной пряжкой.

отсутствующих ныне в архиве, которых не видела и А.Т.Смиленко (также отсутствует и большая часть рисунков и в рукописном тексте о Келегейском комплексе (Тахтай А., 1932), статус которого как черновика для перепечатки не вызывает сомнений). Такая картина позволяет предположить, что А.К.Тахтай всё же подготовил полную „чистовую” публикацию комплекса уже в 1930 г, которая была передана в редакцию одного из археологических изданий, но так и не пошла в печать.

Готовя публикацию по материалам архива ИА НАНУ, А.Т.Смиленко, скорее всего, использовала оригиналы и дуближи иллюстраций, чем и объясняется, почему ныне в архиве отсутствуют изображения трёх опубликованных предметов (рис.14, 17, 20). Вместе с тем, исследовательница не использовала фото обратной стороны подтреугольной подвески (рис.9, 3), серебряной пряжки (рис.14, 1) и фрагмента гончарного кувшина “канцирского” типа (рис.15, 12). Наличие последнего в комплексе действительно не документировано, поскольку А.К.Тахтай не упоминает в тексте о фрагменте керамики. Тем не менее, фото – такого же формата, как и остальные вырезанные из большего листа фотографии предметов комплекса, и зашифровано одновременно со всеми иллюстрациями рукописи. Фактура бумаги фото обломка сосуда аналогична фотографиям золотого перстня из Зачепиловки. Поскольку описание декора горла кувшинов канцирского типа из Келегеев (Тахтай А., 1932, с.29-32) не совпадает с орнаментом данного фрагмента, вариант смещения иллюстраций из двух рукописей А.К.Тахтая приходится отбросить. Единственным же источником теоретического ошибочного попадания в рукопись иллюстрации кувшина канцирского типа могут быть дневники раскопок 1929-1931 гг поселения в балке Канцирка В.А.Гринченко.

Ещё более информативны в плане изображений находок материалы архива ИИМК РАН (Санкт-Петербург), где в составе архива А.А.Спицына (Ф.5, № 330, л.279) хранится небольшое общее фото находок (около 10×15 см) (рис.2), на котором фигурирует 51 предмет (из них в публикации А.Т.Смиленко представлены лишь 18). Среди схематических рисунков А.А.Спицына находим изображения ещё 15 предметов, которые не сохранились: бубенчи-

ка, фрагмента бронзового зеркала, стеклянно-го кувшина, подножки стремени и железных пряжек, наконечников стрел, железной пластины (от панциря?), фрагмента кольчуги и 5 (7) бусин (с обозначением цвета) (рис.14, 18, 19; 15, 1-6, 8-10, 13; 16, 2; 17, 1, 2, 8, 10, 13, 16). Ещё одна железная пластинка с чеканным орнаментом сохранилась как в эскизах А.А.Спицына (рис.17, 9), так и А.К.Тахтая (в инвентарной книге) (рис.17, 11).

Материалы из архива А.А.Спицына трудно переоценить: вместе с рукописью А.К.Тахтая они дают чёткое представление о 70 предметах вместо 20, опубликованных ранее (Смиленко А.Т., 1968). Не менее важные подробности о топографии комплекса и деталях расположения его предметов *in situ* даёт и сама рукопись А.К.Тахтая (Тахтай А., 1930).

Топография и локализация комплекса

Двойное географическое название комплекса в литературе – “Зачепиловский” и “Ново-Санжарский” – закономерно вызывает у исследователей вопрос о точной локализации места находки.

А.К.Тахтай сообщает, что состоянием на 1928 г оно располагалось в короткой округлой балке (75 м длиной), на юго-запад от крайних домов с.Зачепиловки, при таких ориентирах: 1 км к югу от школы с.Зачепиловка, 1 км к северу от х. “Жарковка” (совр. Жирки), 3 км к западу от ж/д разъезда Пологи и 6 км к юго-западу от ж/д станции “Новосенжары” (с.Руденковка), 2 км от о.Груньское в “Луге” (Тахтай А., 1930, с.2). Город Новые Санжары расположен не только на северо-запад от с.Зачепиловка, но и на противоположном берегу р.Ворскла, отсюда географическая привязка находки к этому пункту на современном этапе будет несомненной ошибкой (рис.4).

Сравнение с дореволюционной трёхверстковой, картами 40 гг XX в. и современной топокартой показывает, что дальние расстояния А.К.Тахтаем указаны с округлением, скорее всего, со слов местных жителей, а описательный “север” смещён к СВ от истинного меридиана (для сравнения: современное отклонение магнитного азимута – около 6°). К юго-западу от с.Зачепиловка в очерченной зоне в на-

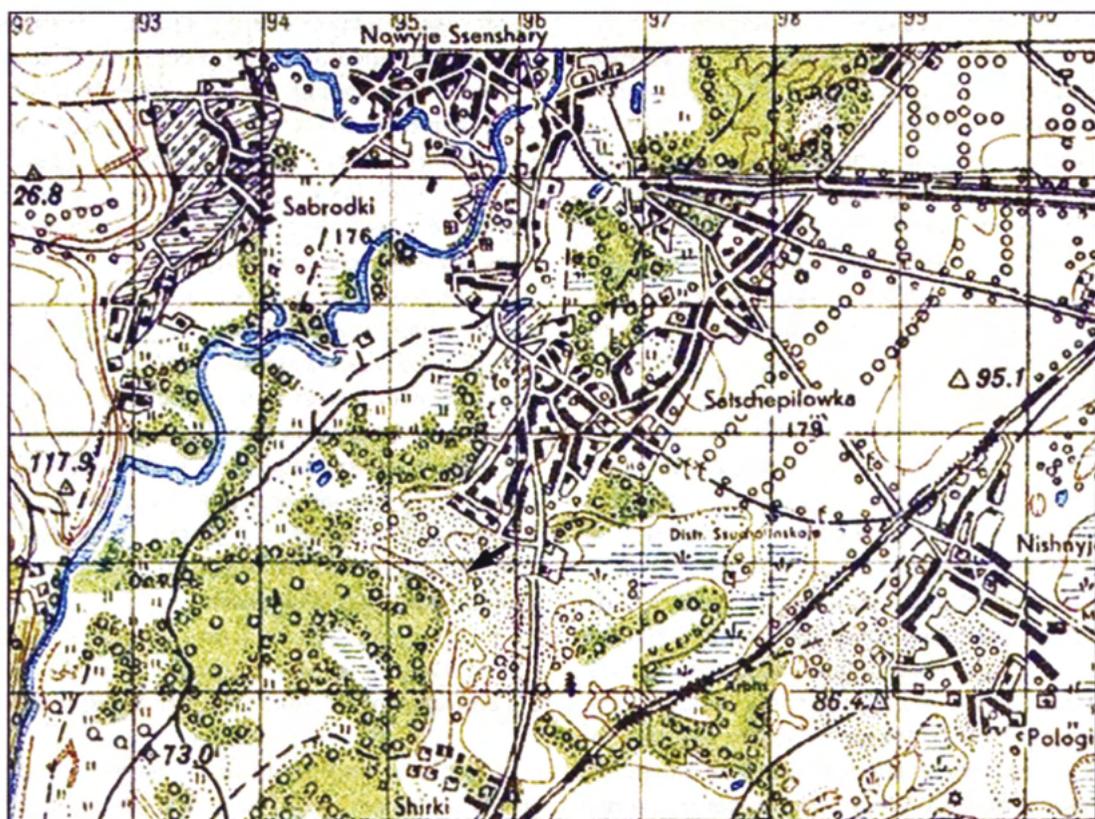

Рис. 4. Место находки на карте 1943 г.
 Fig. 4. Location of the find on the map of 1943

стоящее время находятся сразу три небольших овальных в плане балки, ориентированные длинной осью по линии СЗ-ЮВ, из которых по расстояниям от ориентиров лучше всего подходит юго-восточная. На карте 1943 г с топоосновой 30 м вместо двух отдельных балок изображена одна большая, также ориентированная по линии СЗ-ЮВ (рис.4), а её окончание приблизительно совпадает с указанными А.К.Тахтаем расстояниями до ориентиров. Таким образом, Зачепиловский комплекс обнаружен в выветренной балке на первой надпойменной террасе на расстоянии около 2,5 км от р.Ворскла. Широкая луговая пойма Ворсклы с песчанистой, покрытой дюнами с редкой травой и, реже, лозняком первой надпойменной террасой, к востоку от которой расположены заболоченные участки, начинается чуть выше современного г.Кобеляки и тянется на ССВ до места впадения в р.Тагамлык (севернее с.Малая Перещепина). Знаменитый Перещепинский комплекс найден в 22 км к северо-востоку от Зачепиловской на-

ходки; ещё в 22 км на ССВ (выше по течению р.Ворскла) обнаружен синхронный комплекс из Макуховки.

Топография Зачепиловского и Перещепинского комплексов практически идентична, а полоса выветренных песчаных дюн, на которых они располагались, тянется лишь с небольшими разрывами. Весьма сходна и топография Келегейского комплекса, обнаруженного в песчаной дюне первой надпойменной террасы Днепра (Тахтай А., 1932, с.3). В песчаных дюнах поймы р.Ворсклы и р.Коломак располагался ещё один комплекс перещепинской культуры Полтавщины – Макуховский (Зарецкий И.А., 1912, с.204). Во всех четырёх случаях, кроме топографии, следует отметить также выбор песчаного грунта, в котором сокрыт комплекс.

А.К.Тахтай отмечал, что на дюнах возле с.Зачепиловка зафиксированы остатки тёмного культурного слоя, находки обработанного кремня, лепной посуды и амфор, бронзовых

наконечников стрел, подчёркивая обжитость данного участка в древности (Тахтай А., 1930, с.1-2).

Расположение находок и реконструкция обряда

Состояние места обнаружения комплекса к моменту прибытия археологов полностью исключило возможность установить какие-либо детали непосредственно, поэтому главным источником информации стали расспросы находчиков, переданные А.К.Тахтаем:—

Согласно рассказу К.Ф.Юрко, площадь расположения находок составляла прямоугольник длиной до 1,5 м и шириной около 1 м, ориентированный длинной осью по линии С-Ю, а все находки залегали не глубже четверти штыка – штыка. “Определенного порядка в расположении золотых вещей и серебряных чашечек, которые иногда попадались вперемешку с ними, К.Юрко не заметил, кроме общего их расположения в восточной половине прямоугольника. В западной его половине, рядом с вещами, были расположены конские кости и зубы. На них («или же между ними и вещами?» – А.Т.) железный «тесак» в длину до 0,75 м; среди них обнаружилась большая каменная бусина”. Судя по остаткам древесины на клинке, меч находился вложенным в ножны. “Между вещами и под ними проявлялись вдоль прямоугольника черные прослойки – «может, гроба»” (Тахтай А., 1930, дод.2).

Возможность определить расположение серебряных бляшек и железных пряжек от сбруйных ремней, а также стеклянного кувшина, обнаруженных в первые два дня детьми, даёт анализ локализации комплекса в самой балке. Согласно отчёту А.К.Тахтая, комплекс располагался ближе к северо-восточному краю округлой балки; также в северной и восточной стенках раскопа лучше всего зафиксирована стратиграфия. Ясно, что уровень балки плавно повышался в северо-восточной части. Ниже всего должна быть противоположная юго-западная часть раскопа, где, соответственно, ранее всего обнажились бы и находки.

К.Ф.Юрко упомянул залегающие “рядом с кладом” “конские кости”, “рёбра и остатки челюсти с зубами”. Собранные при пере-

сеивании кости коня были определены врачом Полтавской ветеринарной амбулатории Ф.В.Ильчинским. Названия костей (частично устаревшие) переданы здесь по латинским соответствиям: 5 целых моляров и около 30 фрагментов зубов, 2 фрагмента нижней челюсти (mandibula), височная кость (os petrosalis), 1 фрагмент ребра (costa), 2 фрагмента деформированной лучевой или локтевой кости (radius или ulna) (все выше перечисленные со следами зеленой окиси); а также кости без следов окиси: 2 фрагмента коленной чашечки (patella), 2 эпифиза большой берцовой кости (tibia), 2 эпифиза заплюсны (tarsus) и один плюсны (metatarsus).

Опираясь на сообщение К.Ф.Юрко о том, что кости коня “растирались между пальцами”, А.К.Тахтай заключил, что сохранению представленных фрагментов в основном способствовало их насыщение солями меди из-за контакта с предметами. Остальная часть скелета лошади и более хрупкий скелет человека полностью истлели: “Вряд ли этому противоречит отсутствие среди остеологического материала остатков человеческого скелета или каких-нибудь указаний на него в свидетельствах” (Тахтай А., 1930, с.11). Несколько странным выглядит отсутствие фрагментов костей, спаянных в конкреции с железными предметами, хотя их в комплексе представлено немало (меч, стремяна, наконечники стрел, железные пряжки и т.д.), и на них сохранились благодаря взаимодействию с окислами отпечатки ткани, дерева, кожи. Также важный момент: К.Ф.Юрко различал хрупкие истлевшие кости коня (которые “растирались между пальцами”), но при описании восточной части комплекса упоминает не о светлых прослойках, которые могли маркировать истлевший костяк человека, а, наоборот, – о чёрных (т.е. органических) прослойках между вещами. Наконец, вместить в “гроб” размерами 1×1,5 м погребение взрослого человека с конём физически невозможно.

Попробуем проанализировать известное нам взаиморасположение деталей комплекса. “Глубина залегания” предметов, а точнее, толщина их покрытия песком определялась естественным рельефом балки, увеличиваясь от четверти штыка в юго-западной части до штыка в северо-восточной. В наиболее выветренной части располагались два стеклянных

сосуда (кувшин и чаша), рядом с которыми обнаружено скопление серебряных полусферических бляшек с бруи и железные сбруйные пряжки. Наиболее интенсивное покрытие окислами меди на костях коня, которое могло быть оставлено только бронзовыми скобками удила и внутренней медной частью полусферических бляшек, зафиксировано на зубах нижней челюсти, а также на самой челюсти. Окислы фиксируются на всех сохранившихся костях передней части скелета коня и не отмечены на костях задней части. Это свидетельствует, что бляшками наиболее интенсивно были украшены ремни оголовья и нагрудные, а, следовательно, череп коня располагался рядом со стеклянной посудой. Расположение меча по длинной оси, т.е. параллельно скелету коня, несомненно, но из описания К.Ф.Юрко А.К.Тахтай не смог установить, находился ли меч на костях коня или же только рядом с ними. Посреди костей найдена большая халцедоновая бусина, по всей видимости, относящаяся к украшениям гривы коня. Ещё одна деталь – это находка нескольких полусферических бляшек в восточной части комплекса, что теоретически может указывать и на их принадлежность несбруйным ремням.

Наиболее компактная поза коня, позволяющая втиснуть его в яму размерами всего 0,8×1,8 м, реально встречающаяся в ранне-средневековых погребениях, – это на животе с подогнутыми ногами и развернутой в сторону головой. Смоделировав ситуацию такого положения коня по примеру одного из погребений, мы оставили на плане только те кости из Зачепиловского комплекса (рис.5), части которых документировано сохранились. Как видим, при разделении ширины прямоугольника на две равные части полный скелет коня должен выходить и по ширине, и по длине за рамки очерченного К.Ф.Юрко прямоугольника в 1×1,5 м, но реально сохранившиеся кости и находки действительно вписываются в него. Расположив приблизительно упомянутые выше находки (посуду, меч, бляшки, бусину), получаем картину, с оговорками приемлемую для ингумационного погребения низкорослого человека с конём без гробовища (рис.5).

Сомнения в такой реконструкции вызывают только данные о “гробе”, на который, в целом, указания находчика довольно корректные:

чёрные прослойки тлена под и между вещами, ровные границы между тленом и песком. Если К.Ф.Юрко отметил чёткие направляющие древесного тлена вдоль всех сторон прямоугольника размерами 1×1,5 м, то полный скелет лошади полностью исключает эту возможность для западной половины комплекса, где коня никак не разместить. Для сравнения: в п.2 к.3 Сивашовки яма для коня занимала 2,4×1,1 м, а в п.5 к.12 Портового, которое мы использовали как модель параллельного расположения человека и коня в погребении, общий размер ямы составлял 2,2×1,5 м. В нашем случае перекопанная “с запасом прочности” искателями сокровищ площадь комплекса составила заметно меньше (2,5×2 м), так как А.К.Тахтай заложил раскоп таких размеров уже по *нетронутому* песку. Минимальный же приемлемый размер ямы для ингумации с конём в Зачепиловке составляет 2×1,5 м. На наш взгляд, К.Ф.Юрко с наибольшей долей вероятности мог запомнить тлен в восточной части комплекса, спроецировав позже ситуацию и на западную.

Но как всё же объяснить “гроб” длиной всего до 1,5 м? Показательно, что точно такая же площадь расположения находок (1×1,5 м) зафиксирована в Малой Перещепине (Залесская В.Н. и др., 1997, с.108), где само обилие находок заставляет предполагать наличие не некоего “погребального сооружения”, а всего лишь парадного, обитого тканью и золотыми пластинками, сундука размерами 1,5×1×0,7 м (Комар А.В., 2006, с.19-20). В Зачепиловке столь объёмных вещей нет, а ширина деревянного ящика вряд ли превышала 50 см.

Проблемы возникают и при попытке понять расположение вещей в Зачепиловке, которые в версии об ингумации должны были находиться *in situ* на скелете человека. К.Ф.Юрко делил площадь комплекса на две части: восточную и западную, в одной из которых располагались вещи, а в другой – кости коня. Но почему находчик не заметил никакой видимой закономерности в расположении вещей в восточной части, хотя, например, отметил такие мелкие детали, как соединение *in situ* подтреугольных подвесок и больших серёг, а также принадлежность серьгам аметистовых бусин? Следуя предположению А.К.Тахтая о том, что все подвески, серьги, браслеты и ожерелья из комплекса принадлежали одному мужчине, а

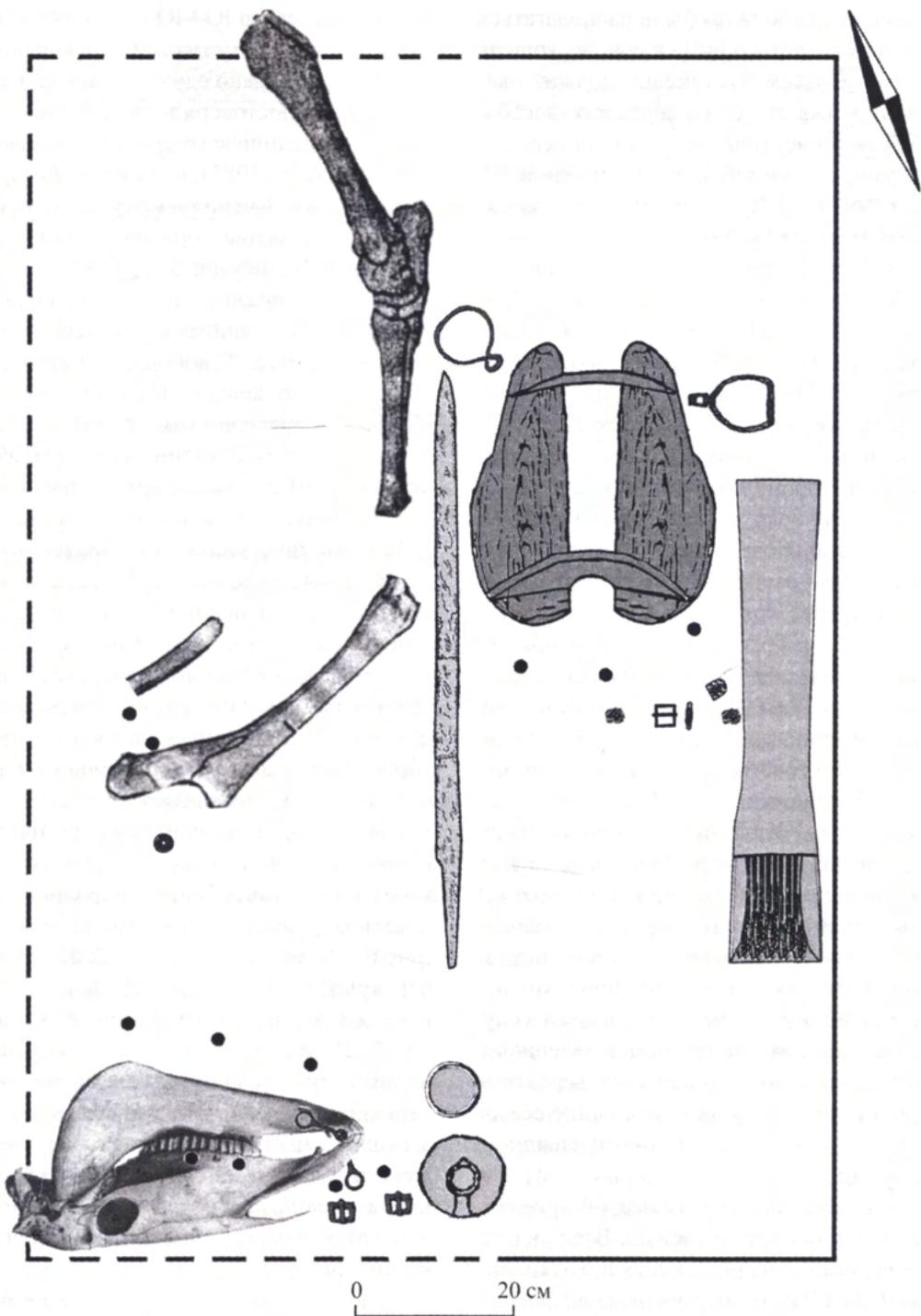

Рис. 5. Реконструкция расположения предметов Зачепиловского комплекса.

Fig. 5. A reconstruction of artifacts arrangement in Zachepilovka complex

не парному погребению, самая большая концентрация золотых вещей должна была наблюдаться в районе черепа и шеи, т.е. в северо-восточном или юго-восточном углу комплекса.

Со слов же находчика следует, что границей между костями коня и большинством золотых вещей выступал меч, т.е. концентрация наблюдалась в центральной части, где при обычном

погребении *in situ* должны были располагаться только пояс, браслеты и, не исключено, кошель с монетами. Совсем пустующей должна оказаться зона ног, а это опять либо юго-восточная либо северо-восточная части комплекса.

В выборке погребений перещепинской культуры 2-й пол.VII – нач.VIII в. в настоящее время полный скелет коня отмечен только в трёх погребениях: в п.2 к.3 Сивашовки (Комар А.В. и др., 2006, рис.3), п.5 к.12 Портового (Айбабин А.И., 1985, рис.9) и п.3 к.5 Виноградного (Орлов Р.С., Рассемакин Ю.Я., 1996, рис.1, л). Положение лошади в подбойных погребениях – слева от человека, на животе с подогнутыми задними ногами, с поворотом головы в сторону погребённого, а в п.2 к.3 Сивашовки – на боку, на перекрытии могилы; ориентировка коня совпадает с ориентировкой человека. Канон расположения костей коня – слева от человека, головой в ту же сторону – характерен и для более массовой группы погребений со “шкурой” коня, где кости лошади представлены только черепом и конечностями. Во всех погребениях с мечом (п.2 к.3 Сивашовки, п.5 к.12 Портового, п.3 к.5 Виноградного, п.4 к.1 Изобильного, п.2 к.29 Чапаевского, п.5 к.4 Крупской, к.3 Уч-Тепе) последний располагался у левой руки погребённого. А из всех погребений с сосудами только в одном п.4 к.1 Изобильного сосуд располагался не у головы, а в ногах погребённого, но и сам вид посуды здесь уникален для этого культурного круга – амфора. Как видим, все четыре признака в случае наличия ингумации человека в Зачепиловском комплексе говорят о наиболее вероятной его южной (или, если учесть смещение севера в описаниях А.К.Тахтая, юго-юго-западной) ориентировке.

Уточнить данные А.К.Тахтая об ориентировке в настоящее время сложно. Все три балки, претендующие на роль места находки, вытянуты с СЗ на ЮВ (с отклонением в 5°). Описанная ситуация расположения комплекса ближе к СВ углу балки с сохранением северной и восточной стенки *in situ* подразумевает отклонение его оси минимум на 15-20° к востоку. Минимум на 10-15° к востоку смещён “север” А.К.Тахтая и в описании размещения географических ориентиров. Это позволяет заключить, что наиболее вероятной является ориентировка коня и предполагаемого погребения

человека в сектор ЮЗ-Ю или приблизительно на ЮЗ. Важно отметить, что в западном секторе ориентировано единственное к настоящему моменту достоверное погребение с инвентарём перещепинского круга у ст.Романовской (Семёнов А.И., 1985), а также территориально ближайшее к Зачепиловке (рис.18, 9) подкурганное погребение горизонта Вознесенки из Заплавки (Шалобудов В.Н., 1983).

Таким образом, ноги предполагаемого погребённого занимали северо-восточную часть комплекса. “Свободное” место в нашем случае можно заполнить колчаном с, как минимум, 15 наконечниками стрел, а также седлом (от которого сохранилась только железная оковка луки) со стремянами. Противопоставляя основную часть находок “костям коня”, К.Ф.Юрко либо вообще не обращал внимание на железные обломки, либо же они действительно также в основном находились в восточной части комплекса. В пользу расположения седла в восточной части может косвенно свидетельствовать и упоминание здесь находок полусферических бляшек от украшений сбруи, “встречавшихся вперемешку с другими вещами” (бляшками пояса?).

И седло, и колчан вряд ли находились непосредственно в гробу. Для сравнения: монгольское погребение на р.Онон, где эти предметы расположены на крышке ящика (рис.6) (Тишкин А.А. и др., 2002, табл.8). На перекрытии гробовища зафиксирован колчан и в п.2 к.3 Сивашовки (Комар А.В. др., 2006, рис.5, 2). Впрочем, верх колчана с наконечниками стрел традиционно в погребениях перещепинской культуры всё же располагается в верхней части погребения, а не в ногах. И даже в такой реконструкции (рис.5) запоминаемая закономерность всё равно образуется – это отсутствие золотых предметов в северо-восточной части.

Любопытно, какие предметы не были замечены К.Ф.Юрко? Так, у П.Г.Курилы приобретены 7 бусин и фрагменты золотой и серебряной бляшек. У других зачепиловцев куплены несколько золотых монет, каменная бусина и серебряные бляшки. Поскольку в деле не фигурировали родители И.Я.Юрко, которому достались, как минимум, 6-7 серебряных полусферических бляшек, следует предположить, что “серебряные бляшки” из покупок Я.О.Рыженко

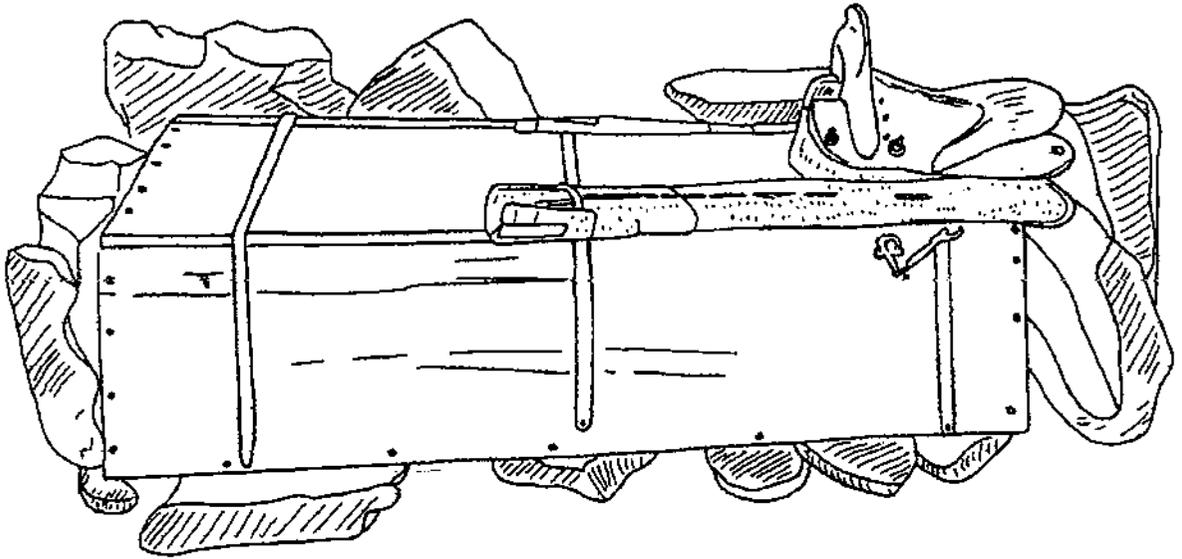

Рис. 6. Монгольское погребение на р.Онон.
Fig. 6. Mongolian burial on the Onon river

получены именно от них. Если часть бус вполне были пропущены К.Ф.Юрко, то факт покупки сразу нескольких золотых монет заслуживает внимания, поскольку солиды, в таком случае, не были расположены компактно.

Другой принцип расположения предметов демонстрирует так называемый “моток золотой проволоки”, представляющий собой сложенные 4 проволочных браслета и гривну (см. ниже). Идентичный набор из к.3 Уч-Тепе (Иессен А.А., 1965, рис.30) располагался *in situ* на запястьях, ногах и шее погребённого (Balint Cs., 1992, taf.15, 1, 6, 7, 17, 22). В п.1 к.8 Старонижестеблиевской золотые проволочные браслеты и гривна из витой проволоки также находились на запястьях и шее погребённого (Атавин А.Г., Паромов Я.М., 1991, рис.1, 1, 2; 3, 1, 2). Но такой комплект мужских украшений в Зачепилровке оказался не рассредоточенным по предполагаемому телу, а сложенным вместе.

Второй момент – ни в одном из исследованных археологами к настоящему моменту погребений перещепинской культуры бусы не составляли часть мужского инвентаря. Только в п.10 к.4 Калининской в мужском погребении встречен фрагмент зеркала. Также не отмечены и случаи находок при одном скелете двух пар серёг или браслетов. Никогда не использовались женские украшения и для украшения

сбруи, что предполагал как вариант решения для Зачепилковского комплекса А.К.Тахтай (Тахтай А., 1930, с.11), тем более, что найдены предметы здесь отдельно от скелета коня. Пара серёг с аметистами, подтреугольные подвески, ожерелье из стеклянных и каменных бус, перстень малого диаметра, зеркало – эта группа предметов говорит о присутствии в Зачепилковском комплексе наряду с ярким мужским и комплекта инвентаря женского погребения. Аналогичная ситуация отмечена в Келегеях, где одновременно присутствовали и золотая шейная гривна, и бусы с подвеской для ожерелья, подвески головного убора, а также 4 перстня, один из которых с небольшим диаметром кольца.

По сравнению с обычными подкурганными погребениями перещепинской культуры, в Зачепилровке наблюдается и отсутствие ряда важных признаков. Больше половины всех погребений содержали обычный бытовой нож, 43% – украшения обуви, 30% – напутственную мясную пищу (кости овцы или коровы), 27% – средства для добывания огня (кресало, кремь), которых нет в Зачепилровке. Это же касается и Перещепины, Келегеев, Ясиново (за исключением разве что ножа, парадная версия которого присутствовала в Келегеях). Причём ни в одном из комплексов высшей знати также не отмечено и деталей лука (костяных

накладок), хотя стрелы, кроме Новых Санжар, найдены в Келегеях, Глудосах, Вознесенке, а в Перещепине документирован коляч.

Состав комплексов келегейского типа уже детально анализировался ранее (Комар А.В., 2006, табл.1). Из 16 общих признаков в Зачепиловском комплексе ранее не были отмечены всего три: детали седла, гривна и металлическая посуда (Комар А.В., 2006, с.9-11; табл.1). В настоящее время, после идентификации гривны и выделения вероятных оковок луки седла в Зачепиловке и Келегеях (см. ниже), единственным групповым признаком, не отмеченным в Зачепиловском комплексе, остаётся металлическая посуда, компенсированная, впрочем, посудой стеклянной, представленной также в Перещепине и Келегеях, и оковками деревянного сосуда, присутствовавшими также в Келегеях и Вознесенке.

Вопросы вызывает фото фрагмента кувшина канцирского типа (рис.15, 12). В случае наличия в комплексе целого кувшина, его обломки никак не ограничились бы только одним мелким фрагментом, возможно, именно в связи с этим находка и не была включена А.К.Тахтаем в описание состава комплекса.

Керамическая посуда в рядовых погребениях в основном представлена горшками; лишь в 6 случаях в погребение помещались кувшины (лепные: п.3 к.3 Новой Одессы III, п.7 к.1 Бережновки I, п.1 к.111 Бережновки II и гончарные: п.3 к.1 Топыла, к.3 Уч-Тепе, п.1 к.8 Старонижестеблиевской), а в п.4 к.1 Изобильного в ногах погребённого располагалась амфора. Фрагменты амфоры зафиксированы и в Келегеях; в Ясиново и Келегеях отмечены гончарные кувшины, причём в Келегеях набор состоял из двух серолощёных кувшинов канцирского типа и одного тонкостенного желтоглиняного кувшина с росписью, скорее всего, крымского производства. В то же время в Арцибашеве, п.16 к.14 Великой Знаменки, к.17 Наташино, к.35 Виноградного и п.5 к.12 Портового в засыпке погребений обнаружены мелкие обломки гончарных сосудов, которые вряд ли можно считать сосудами для напутственной пищи – в этом случае речь, скорее, идёт об остатках *тризны*. Именно последний вариант приемлем для интерпретации обломка кувшина из Зачепиловки, особенно учитывая, что верхняя часть засыпки ямы комплекса к

моменту обнаружения была полностью разрушена вследствие естественной эрозии балки.

Таким образом, в расположении предметов комплекса мы видим как признаки, характерные для ингумационного погребения (стеклянная посуда в головах и меч слева), так и нехарактерные для него: предметы, которые должны быть рассредоточены по телу, оказываются сложными (гривны и браслеты), в то время как монеты, ожидаемые в одном кошельке, найдены в разных местах. Ряд признаков, необходимых для ингумации (кости животных от напутственной пищи, бытовой нож, кресало и кремь), в Зачепиловке отсутствует.

В выборе ингумация или ритуальный комплекс ключевой деталью выступает отсутствие при пересеевании находок фрагментов костей коня или человека со следами железных окислов. Палаш, стремена, наконечники стрел, железная оковка седла – ни один из этих предметов не соприкасался с костями. Не оставили следов на костях человека и бляшки на подпружных ремнях, и низкопробные серебряные предметы. Похоже, что все железные предметы (кроме удила) располагались отдельно от костей коня, но не находились и в контакте с какими-либо костными останками человека, что противоречит версии об ингумации. Пример Нетайловского могильника VIII – нач.X в., где костный материал крайне плохо сохраняется в песчаном грунте, показывает, что при сохранении фрагментов более массивных костей коня, обычно сохраняются и защищённые твёрдой эмалью зубы человека, которые в Зачепиловской находке также не обнаружены. Эти обстоятельства в сумме склоняют к выводу о ритуальном комплексе без наличия тела человека.

Тюркский поминальный обряд “7-го дня” подразумевал “переправку” умершему части его вещей особым обрядом через неделю после смерти, кроме предметов первой необходимости, которыми он снаряжался “в дорогу” уже в день похорон. В комплексах келегейского типа мы действительно не видим ни характерных для ингумационных погребений частей барана в качестве напутственной пищи, ни необходимых в пути бытовых орудий – кресала, ножа, кочедыка для развязывания пут.

В Перещепине и Зачепиловке есть чёткие указания на деревянный ящик длиной в 1,5 м,

в котором к месту закапывания доставлялись вещи. Их основную часть, несомненно, составляла одежда, остатки которой зафиксированы лучше всего в Келегеях (фрагменты меха и разноцветной шерстяной ткани – Тахтай А., 1932, с.14-15); шёлковые фрагменты отмечены в Перещепине и Глodosах. Затем следует назвать личные украшения, оружие и снаряжение коня. Одни предметы внутри сундука сохраняли кучное положение (как, например, проволочные гривны и браслеты), другие (монеты) в процессе транспортировки из-за тряски оказались в разных частях.

Во время закапывания сундука в Зачепиловке строителями ритуала был соблюден ряд действий, совершаемых в случае ингумационного захоронения: конь уложен параллельно ящику, исполнявшему роль символического “гроба”; у головы коня поставлены кувшин (очевидно, с водой) и стеклянная чаша (деревянная должна была располагаться также рядом); скорее всего, сверху на сундук был уложен меч (слева), а по центру или в северной части – снятое с лошади седло. Такие детали чётко говорят о принадлежности данного ритуала к погребально-поминальным обрядам.

Необычная ЮЗ (ЮЮЗ) ориентировка коня, реконструируемая в Зачепиловке, либо является отклонением от западной погребальной ориентировки, либо же указывает на обратный путь в степь вдоль р.Ворскла, который предстояло преодолеть коню для встречи с хозяином.

Предметы из комплекса

Анализ находок из состава комплекса по традиционной схеме разделения их на категории в случае с Зачепиловкой не совсем рационален. Часть предметов сохранилась до нашего времени, другие известны по фотографиям и описаниям, третья группа – по описаниям и схематическим эскизам, четвёртая – только по описаниям. Закономерно, что полноценный анализ возможен только для первых двух групп, тогда как для третьей и четвёртой групп основной задачей является атрибуция и реконструкция самих предметов.

Группа I: сохранившиеся предметы

Монеты

Согласно рукописи А.К.Тахтая и входной инвентарной книге ПКМ, из Зачепиловского комплекса удалось собрать 7 золотых византийских солидов: 1 – Фоки; 4 – Ираклия с сыновьями; 2 – Константа II.

В 1947 г музей получил после эвакуации 11 золотых византийских монет, записанных как беспаспортные (№ 7634-7644). Среди них: монета XI в. из Великоселецкого клада (№ 7644) (Кропоткин В.В., 1962, с.35), дважды пробитый 23-каратный солид Маврикия Тиберия (584-602 гг) № 7635 (Н-7915) (Комар О.В., Хардаев В.М., 2011, рис.3, 8), а также аналогично пробитые два лёгких солида Ираклия, Ираклия Константина и Ираклия II: № 7638 (Н-7918) хорошей сохранности (рис.8, 8) из Малой Перещепины и очень сильно затёртый № 7640 (Н-7920) (Семёнов А.И., 1986, с.93-95; рис.1, 1, 2; Комар О.В., Хардаев В.М., 2011, с.107-108, рис.3, 9, 10), найденный у с.Нехвороща (Каталог выставки..., 1902, № 66; Ляскоронский В., 1903, с.195; Кропоткин В.В., 1962, с.36)⁴.

Семь оставшихся непробитых солидов VII в. из коллекции музея точно соответствуют описанию и архивным фотографиям монет из Зачепиловки (рис.7).

1. ПКМ № 7634 (Н-7914) (рис.8, 1) – Фока, 602-610 гг; вес – 4,25 г; аверс: δ NFOCAS PCPBAVI реверс: VICTORIA AVSCHI CONOB.

2. ПКМ № 7639 (Н-7919) (рис.8, 2) – Ираклий, Ираклий Константин и Ираклий II (635-636 гг?); вес – 4,4 г; реверс: VICTORIA AVSЧД CONOB; по бокам от креста η и θ .

3. ПКМ № 7643 (Н-7923) (рис.8, 3) – Ираклий, Ираклий Константин и Ираклий II (638-639 гг); вес – 4,3 г; реверс: VICTORIA AVSЧГ CONOB; по бокам от креста η и β .

4. ПКМ № 7642 (Н-7922) (рис.8, 7) – Ираклий, Ираклий Константин и Ираклий II (639-641 гг); вес – 4,3 г; реверс: VICTORIA AVSЧИ CONOB; слева от креста η .

5. ПКМ № 7636 (Н-7916) (рис.8, 5) – Ираклий, Ираклий Константин и Ираклий II (639-641 гг); вес – 4,45 г; реверс: VICTORIA AVSЧЕ CONOB; по бокам от креста η и ϵ .

⁴ По сообщению А.Б.Супруненко, монета была выкуплена и подарена ПКМ именно после выставки XII Археологического съезда в Харькове.

Рис. 7. Монеты Зачепиловского комплекса. Фото из архива ИА НАНУ.

Fig. 7. Coins of Zachepilovka complex. A photo from Archive of Institute of Archaeology of National Academy of Sciences of Ukraine)

6. ПКМ № 7641 (Н-7921) (рис.8, 4) – Константин II (642-646 гг); вес – 3,65 г; аверс: $\delta\text{NCONSTANTIN } \text{CSPPAV}$ реверс: $\text{VICTORIA } \text{AVS}\text{C}\theta\text{O}\text{BXX}$ (правая часть надписи сбита).

7. ПКМ № 7637 (Н-7917) (рис.8, 6) – Константин II (642-646 гг); вес – 3,7 г; аверс: $\delta\text{NCONSTANTIN } \text{CSPPAV}$ реверс: $\text{VICTORIA } \text{AVS}\text{C}\theta\text{O}\text{BXX}$; штемпель общий с предыдущей монетой.

По мнению В.Хана, рассматривавшего буквы и лигатуры справа от креста как номер индикта, солиды данных типов должны быть чеканены в следующие промежутки: № 1 – 607-608 гг (MIB, № 9) (Hahn W., 1975, s.76-77); № 2 – 635-636 гг (MIB, № 40); № 3 – 638-639 гг (MIB, № 48); № 4 – 639-641 гг (MIB, № 50); № 5 – 642 г (MIB, № 53); № 6-7 – 642-646 гг (MIB, № 3b) (Hahn W., 1981, s.85-88, 123-124). Согласно письменным данным, Ираклеон был коронован 4 июля 638 г в возрасте 12 лет (Кулаковский Ю.А., 1996, с.156; Залесская В.Н. и др., 1997, с.19, 26). По иконографии из группы

солидов с тремя соправителями выделяются тип MIB № 39 с Ираклеоном низкого роста без короны, который и является наиболее ранним, затем следует тип MIB № 40-43 с Ираклеоном более высокого роста, но вновь без короны (в Зачепиловке – № 2); остальные типы чеканены в близкий временной промежуток 638-641 гг уже после коронации Ираклеона. Отнесение В.Ханом солидов типа MIB № 53 с фигурами всех трёх императоров к периоду короткого единоличного правления Ираклия II (конец 641-642 гг) проблематично: более взвешенной нам представляется датировка солида № 5 – 639-641 гг (Grierson Ph., 1968, № 44, p.223-225, 262-263).

Золотые украшения

Золотые украшения в группе разысканных предметов представлены двумя парами серёг и парой подвесок, соединёнными в “цепочки” (АЗС-1807/1-2), а также парой браслетов (АЗС-1810; АЗС-1811) и перстнем (АЗС-1805).

Рис. 8. Монеты из Зачепиловки (1-7) и Перещепины (8) (ПКМ).
 Fig. 8. Coins from Zachepilovka (1-7) and Pereschepina (8) (Poltava Museum of Local History)

Поскольку точный вес элементов “цепочки” установить невозможно, вес приводится ниже по данным записей А.К.Тахта в инвентарной книге ПКМ.

8. *Золотые подвески* – 2 экз. Ажурные подтреугольной формы две золотые подвески первоначально выполнены идентичными, но в настоящее время отличаются по сохранности.

8а. Подвеска № АЗС-1807/1 (рис.9, 2, 3; 10, 1-4, б). Общая высота с привесками – 6 см, ширина – 4,79 см; вес – 26,21 г, проба 900. При поступлении в ПКМ на левой части подвески находились четыре колечка зерни (рис.9, 2, 3), сейчас утерянные. В нижней части привесок пробито отверстие (рис.10, 4) для крепления

золотых бусин (рис.10, 5), ни одна из которых на данном экземпляре не сохранилась.

8б. Подвеска № АЗС-1807/2 (рис.9, 1; 10, 5, 7-9). Общая высота с привесками – 6,9 см, ширина – 4,81 см, вес – 25,24 г, проба 900. При поступлении в ПКМ подвеска имела две шарнирные привески с золотыми бусинами, правая из которых в настоящее время отсутствует (рис.10, 7, 9).

Каркас подвесок (в виде вписанных один в другой равнобедренных треугольников с перпендикуляром) состоит из 4 длинных и 3 коротких отрезков фигурного литого прута (максимальная толщина – 2,9 мм, минимальная – 2,1 мм), спаянных по углам треугольника с

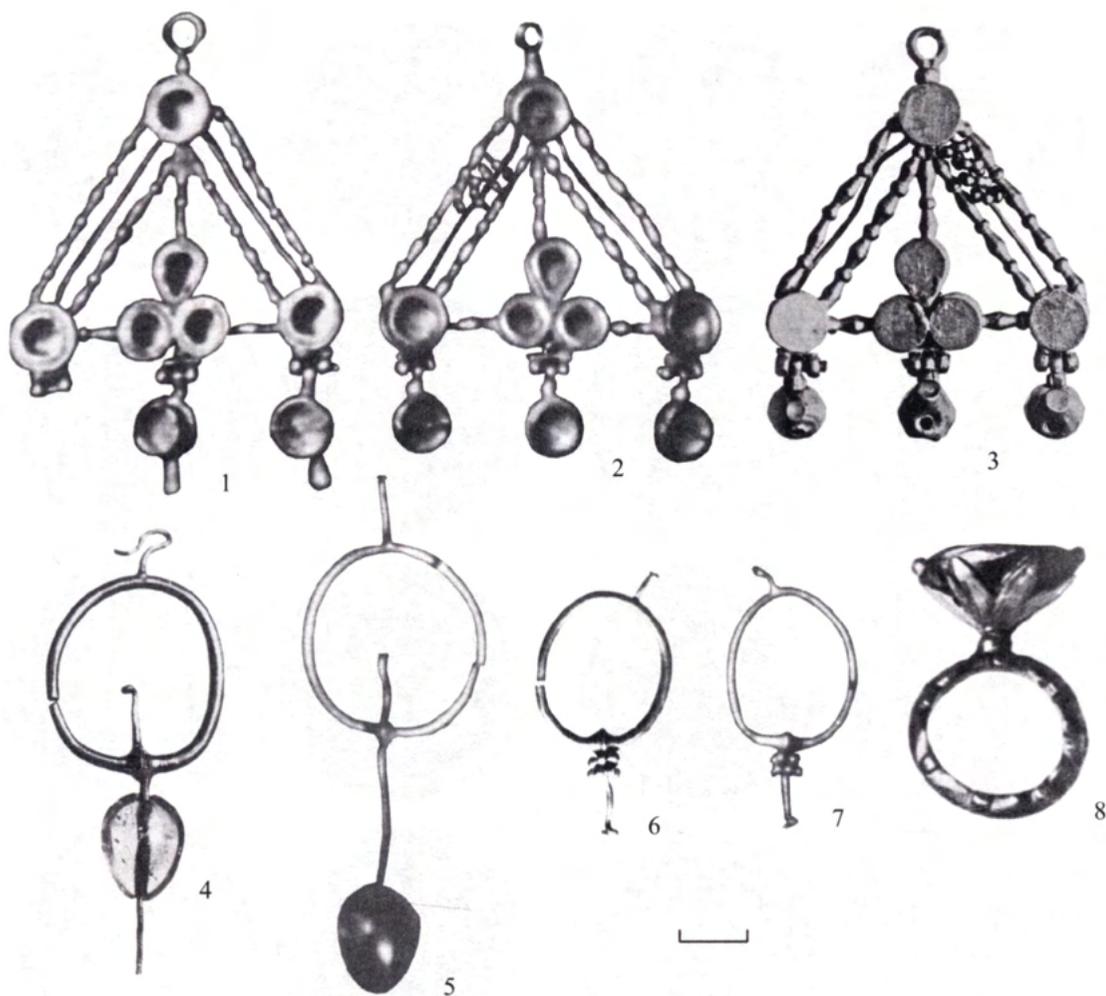

Рис. 9. Украшения Зачепиловского комплекса (по фотографиям из архивов ИА НАНУ и ИИМК).

Fig. 9. Jewelry of Zachepilovka complex (by photos from the archives of Institute of Archaeology of National Academy of Sciences of Ukraine and Institute for the History of Material Culture)

полыми цилиндрическими гнёздами (диаметр – 9,5 мм), в древности заполненными светлосерой пастой. В точке соединения вертикальной перпендикулярной оси – композиция из двух цилиндрических гнёзд меньшего диаметра (8 мм) и каплевидного (8×10,2 мм). Между сторонами двух треугольников протянуты по два отрезка золотой проволоки (концы пропущены сквозь пробитые отверстия в цилиндрические гнезда и загнуты внутри). Вверху подвесок к гнезду припаяно ушко для подвешивания высотой 8,5 мм; внизу – по три привески с шарнирным соединением.

Привески (диаметр – 8,1 мм, длина – 8,2–9,5 мм) усечённо-конические, полые, запаян-

ные с обеих сторон, несколько отличаются по конструкции. Центральные привески (рис. 10, 5) выполнены с высоким гнездом для вставки. У боковых подвесок такого гнезда нет, но на краях припаян бортик из круглой в сечении проволоки, поверх которого припаяны горизонтально по два отрезка более тонкой проволоки, круглой в сечении, но уплощённой в месте пайки. В нижней части привесок пробито отверстие, сквозь которое пропущен отрезок золотой проволоки, на него при помощи пайки посажена каплевидная вытянутая золотая бусина (высота – 6 мм, максимальный диаметр – 3,5 мм). Бусина состоит из конической трубочки и припаянной снизу полусферической части (рис. 10, 5).

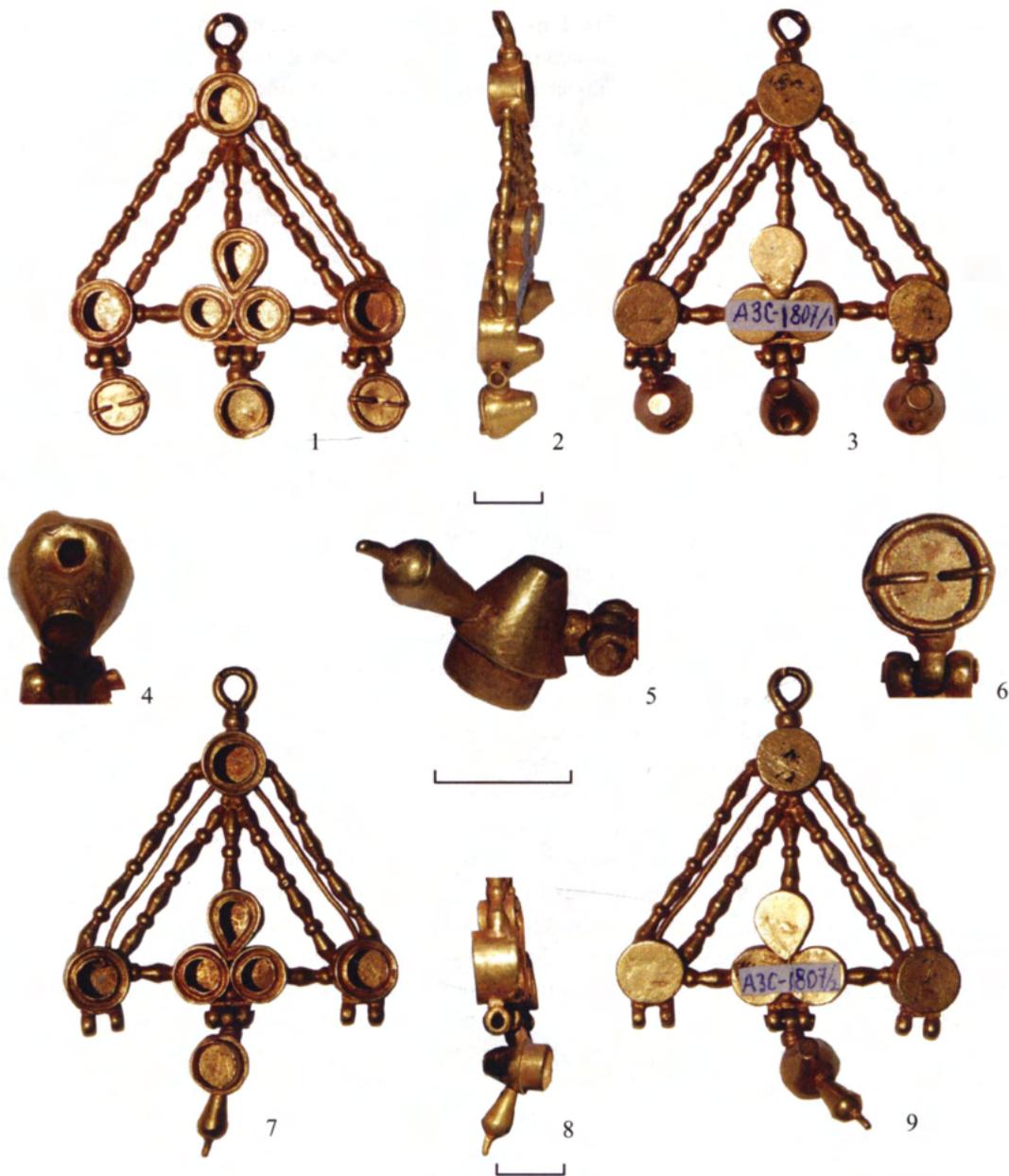

Рис. 10. Золотые подвески (МИДУ).

Fig. 10. Gold pendants (Museum of Historical Treasures of Ukraine)

В реконструкции первоначального облика подвесок важную роль играют аналогии. В византийских подвесках из Египта и Испании (рис.19, 1, 2, 5) аналогичные цилиндрические или каплевидные паяные гнёзда были заполнены пастой, на которую посажены круглые плоские стеклянные вставки. В ажурных подвесках из Египта и Греции (рис.19, 1, 3), где видим аналогично протянутые проволоочки с бусами, акцент делается на жемчуг, который в

силу органического происхождения имел мало шансов сохраниться в Зачепиловке. Жемчуг в византийских золотых украшениях VII в. в основном представлен просверленными бусами, отсюда способ его крепления в основном предусматривал нанизывание на проволоку (рис.20, 2, 3).

В зачепиловских подвесках привлекает внимание отличие способа крепления вставки на боковых привесках, где вставка должна

фиксироваться крапанами (рис.10, б). Их форма, впрочем, необычна – ювелир не расковал проволоку, чтобы увеличить площадь захвата. И на подвеске АЗС-1807/1 (рис.10, 1), и на утерянной ныне привеске подвески АЗС-1807/2 (рис.9, 1), все крапаны целы – где же вставки? Либо они были из хрупкого стекла, либо органического происхождения. Ответить на этот вопрос позволяет ожерелье из Египта (, 4), в котором ювелир комбинирует три способа крепления вставок: клейка на пасту в высокие гнезда, закрепление камней четырьмя крапанами и крепление жемчужных бус при помощи двух осей-проволочек. Практически все вставки, закреплённые на пасту, в египетском ожерелье утрачены, поэтому их потеря в зачепиловских подвесках также закономерна. Значительная часть вставок выпала и из кастов с крапановым креплением. Но лишь две жемчужные бусины в ожерелье утрачены из вставок с осевым креплением, несмотря на то, что мастер для экономии золота делал ось не сплошной, а составной из двух частей. Аналогичная картина на боковых зачепиловских привесках позволяет заключить, что вставкой в них могли служить жемчужные бусины небольшого диаметра. Этот византийский приём наблюдаем и на подвеске X в. из Преславского клада (Тотев Т., 2000, обр.33). Полная графическая реконструкция зачепиловских подвесок в этом случае должна выглядеть следующим образом (рис.21, 5).

Другой вариант реконструкции предполагает аналогия с браслетами из Египта, в аналогичных гнездах которых находятся круглые перламутровые пластинки (Die Welt von Byzanz..., 2004, kat.499). Такие перламутровые вставки, вместо стеклянных, не исключены в Зачепиловке и для гнезд с пастой, учитывая, что остатков стеклянных вставок при просеивании грунта всё же не обнаружено.

Все близкие подвески византийской работы сочетались с несъёмной небольшой серьгой без дополнительного декора (, 1-5, 8-10), чего не наблюдаем в Зачепиловке. В ПКМ подвески поступили уже отдельно, но, по сообщению находчика, первоначально они были соединены с серьгами с аметистами, что и было отображено “реконструкцией” на фото (рис.2, 19, 20, 24, 25). Подобный способ ношения серёг основной бусиной вверх, конечно же, невозмо-

жен, да и соединение крупных серёг с дорогами аметистами с подвесками выглядит странным, убивающим часть эстетической ценности обоих предметов. По-видимому, К.Ф.Юрко ошибся, поскольку более вероятным выглядит первоначальное соединение треугольных подвесок с малыми серьгами с жемчугом (рис.21, 1).

9. *Серьги с аметистами* – 2 экз. Пара золотых серёг больше всего пострадала от “реконструкции” (рис.3). Согласно наиболее ранней фотографии 1929 г, один из экземпляров был найден с прямыми осями для бус (рис.2, 24), второй с немного смятыми (в процессе раскопок?) (рис.2, 19). Причём на обоих экземплярах к моменту поступления в музей, согласно А.К.Тахтаю, не было и аметистовых бус – на фото они лишь наживлены на кончики длинных осей (рис.2, 19, 24; 9, 5). На более позднем фото из рукописи А.К.Тахтая (рис.9, 4) видим полностью распрямленную ось, а бусину продетой на неё до конца. При этом бусина ориентирована сужающимся концом вниз, в то время как на всех сохранившихся и кочевнических (Багаутдинов Р.С. и др., 1998, табл. VII, 3, 4; Garam E., 2001, taf.12, 2-10; XV, 2; Рашев Р., 2007, рис.14), и византийских (рис.19, 2, 3, 5, 7, 9, 10) (Baldini Lippolis I., 1999, p.93, 96, 98, 99, 133, 138, 139, 142, 146, 164) изделиях ориентировка каплевидной бусины всегда обратная. В коллекцию МИДУ серьги поступили уже без бус, после следующей стадии “реконструкции”, на которой оси для бус были грубо загнуты (рис.11, 1, 2).

Первоначальные размеры серёг следующие: размеры колец 2,5×2,6 см, 2,4×2,8 см; максимальная толщина кольца – 2,5 мм; толщина осей для бус – 1,2 мм; вес – 6,34 г, 6,36 г. Размеры бусин: максимальный диаметр – 1-1,1 см, высота – 1,5 см, суммарный вес двух бусин – 2,76 г.

Неподвижные оси для аметистовых бус слишком длинные, как, впрочем, и две дополнительные маленькие оси-шпеньки на кольце. Как показывает пример византийских подвесок данного периода лучшей сохранности, при большей длине оси для бус набор одной бусиной не ограничивался (рис.19, 1-3, 5, 7, 9). Аналогичную длину осей наблюдаем на серьге из Камунты, где пространство заполнено зёрнёными колечками и жемчугом (Уварова

Рис. 11. Серьги (1-4) и перстень (5-8) (МИДУ). 5а, б, 6-8 – детали перстня (увеличены).
 Fig. 11. Earrings (1-4) and a finger ring (5-8) (Museum of Historical Treasures of Ukraine). 5а, б, 6-8 – details of a finger ring (scaled)

П.С., 1900, табл.СХХІІІ, 9). Поскольку в Зачепиловке песок на месте находки пересеивался, по-видимому, в случае с зачепиловскими серьгами мы должны предполагать не потерю колечек зерни или золотой трубчатой пронизки,

а набор жемчужных бусин разного диаметра (вариант реконструкции см. рис.21, 2).

10. *Малые золотые серьги* – 2 экз. (рис.9, 6, 7; 11, 3, 4). Пара конструктивно аналогична большим, отличается лишь отсутствием оси

для бусины внутри кольца. В верхней части нижней неподвижной подвески-оси для бусины припаяны по два кружка зерни диаметром до 4 мм; обе оси на концах загнуты в крючки для фиксации бус. Размеры: ширина кольца 2×1,7 см; общая высота – 3,1 см; максимальная толщина кольца – 2 мм, нижней оси – 1 мм; вес 3,63 и 3,79 г. На осях первоначально располагалось по одной жемчужной бусине (реконструкцию формы и способа использования см. рис.21, 1).

11. *Золотой перстень № АЗС-1805* (рис.9, 8; 11, 5-8). Перстень состоит из литого по восковой модели фигурного кольца с “шейкой”, к которой припаян шестилепестковый приёмник для щитка (в настоящее время пайка нарушилась, а на стыке появилась трещина). Щиток полый, полуовальный, выполнен из пресованного кружка; по краю припаян ободок из круглого в сечении дрота, к которому затем по длинной оси припаяны две петли. Сквозь петли пропущены два золотых гвоздика с раскованными шляпками. Размеры кольца перстня: 2,32×2,5 см, толщина кольца 5×3,2 мм; щиток размерами 2,4×2,1 см; диаметр гвоздиков до 1 мм; общая высота перстня – 3,81 см, вес – 19,38 г, проба 900.

А.К.Тахтай назвал перстень “печатью”, что повторила в публикации и А.Т.Смиленко (Смиленко А.Т., 1968, с.161). Никаких данных о характере предполагаемой вставки перстня в нашем распоряжении нет. Оба исследователя атрибутировали гвоздики перстня как крапаны, что вновь вызывает вопросы. Петли на византийских перстнях такого рода располагаются перпендикулярно по периметру щитка, а сквозь них пропущена золотая проволока с жемчугом (рис.19, 18, 19; 20, 3). В нашем случае в петли пропущены кованые гвоздики, причём они именно забиты в петли, о чём говорят следы ударов как на шляпках гвоздиков, так и на самих петлях (рис.11, 5а,б); один из гвоздиков даже согнут как при ударе о слишком твёрдую поверхность. Можно было бы допустить, что мягкие золотые гвоздики забивались в узкие каналы, предварительно просверленные в вставке. Но с внутренней стороны щитка оба гвоздика при этом закреплены пайкой, да и сама вставка не сохранилась, что говорит о её хрупкости при неорганическом происхождении. Таким характеристикам бо-

лее всего отвечает стеклянная вставка; менее вероятно крупная жемчужина.

12. *Золотые браслеты* – 2 экз. (рис.2, 34, 35; 12, 1, 2). Пара литых браслетов с утолщёнными концами и подбиконическим утолщением посередине. Форма обоих украшений не совсем симметрична – заметны следы деформации от сжимания браслетов на руке.

12а. Браслет № АЗС-1810 (рис.12, 1). Обнаружен целым, но в настоящее время на нём следы слома и пайки. Диаметр – 6,8 см, минимальная толщина – 0,3-0,31 см, толщина на концах – 0,6 см, утолщение по центру – 0,78 см. Вес – 42,8 г, проба 958.

12б. Браслет № АЗС-1811 (рис.12, 2). Диаметр – 6,9 см, минимальная толщина – 0,31 см, толщина на концах – 0,6 см, утолщение по центру – 0,8 см. Вес – 44,26 г, проба 958.

Высокая проба обоих браслетов совпадает с пробой византийских солидов, свидетельствуя об изготовлении их из монетного золота.

Группа II: неразысканные предметы

Представление о предметах данной группы дают описания А.К.Тахтай из инвентарной книги ПКМ и рукописи его статьи, приложенные к последней фото и графические изображения, а также фото, записи и эскизные зарисовки из архива А.А.Спицына. Все предметы, изображённые на сохранившихся фотографиях, идентифицируются уверенно, хуже с группой предметов, представленных только зарисовками А.А.Спицына, для которых необходимо привлечение аналогий из синхронных кочевнических комплексов. Инвентарные номера указаны по входной книге ПКМ.

Золотые украшения

Представлены предметами личного убора.

13. *Золотой перстень* с круглым щитком № 3802 (рис.2, 22; 15, 7, 8). Камень утерян, по бокам от щитка к кольцу припаяно по два шарика зерни. Диаметр в инвентарной книге указан в 1,8 см, в рукописи – 2,2 см, диаметр щитка – 0,7 см, вес – 3,8 г.

14. *Комплект из 4 браслетов и гривны* из золотого перекрученного дрота (рис.2, 12). Записаны в инвентарную книгу под № 3799 как

Рис. 12. Золотые браслеты (МИДУ).

Fig. 12. Gold bracelets (Museum of Historical Treasures of Ukraine)

“золотой крученный дрот в четырёх фрагментах, общим весом 23,96 г”. Вес вписан другой ручкой, одновременно вместо четырёх фрагментов указано 5. На полях книги красным карандашом при сверке число обломков увеличено до 17. В записях А.А.Спицына значатся “5 кусков непрочной проволоки” (рис.1), которые наблюдаем и на синхронном фото (рис.2, 12). В рукописи А.К.Тахтая упоминаются “7 обломков ленточного крученого дрота общей длиной 0,97 м”, сечение 2×1 мм, вес – 28,01 г.

Исследователь констатировал, что “для шейного украшения-гривны он слишком деликатный и длинный”, но, кроме массивной перещепинской гривны, упоминает также в качестве аналогии тонкую золотую гривну из Чми (Уварова П.С., 1900, табл.СХХIV, 2). Необычную длину дрота для гривны объясня-

ет подкурганное погребение из Уч-Тепе, где, кроме гривны, в комплект украшений входили выполненные из того же кручёного дрота две пары браслетов (большого и меньшего диаметра), найденные *in situ* на запястьях рук и у щиколоток (Иессен А.А., 1965, с.179, рис.30) (рис.13, 6, 7). Точные аналогии таким браслетам А.А.Иессен отметил в аварском комплексе из Мадараша (Laszlo G., 1955, pl.LXV, 6, 7), где также обнаружены браслеты разного диаметра, которые соответствуют паре ручных и ножных. Полный комплект украшений из витой гривны и двух пар браслетов разного диаметра находился в Озоре-Тотипусте (Gagam E., 1992, taf.71, 5, 7; 72, 1).

В Зачепиловке 4 фрагмента дрота, представленные на фото (рис.13, 1, 3-5), по длине должны соответствовать браслетам разного

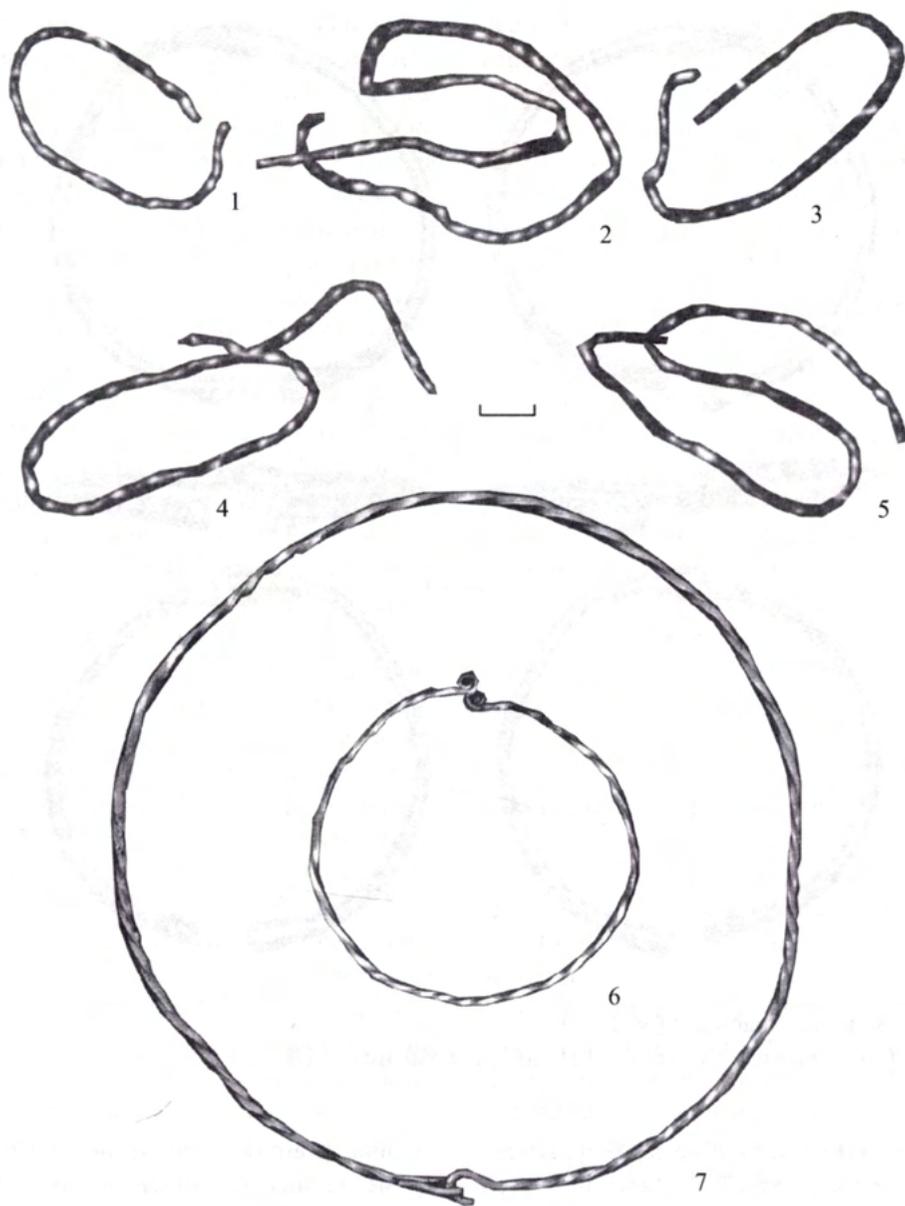

Рис. 13. Золотые браслеты (1, 3-6) и гривны (2, 7): 1-5 – Зачепиловка; 6, 7 – Уч-Тепе (по фото из архива ИИМК).

Fig. 13. Gold bracelets (1, 3-6) and neck rings (2, 7): 1-5 – Zachepilovka; 6, 7 – Uch-Tepe (by photo from Archive of the Institute for the History of Material Culture)

диаметра, но на практике два более длинных отрезка дрота просто скручены в полтора оборота (рис.13, 4, 5). Гривна (рис.13, 2) на фото представлена лишь фрагментом, по-видимому, именно ей принадлежали ещё 2 фрагмента весом около 4 г, составляющие разницу между инвентарной книгой и рукописью А.К.Тахтая. Если 0,97 м дрота суммарно составляли 28,01 г, то на фото не хватает около 14 см гривны.

Снимок дрота немного перспективный, но относительный масштаб представленных рядом предметов даёт диаметр браслетов не более 5-6 см. Для сравнения, в погребении подростка из Уч-Тепе ручные браслеты достигали в диаметре 6,7-7 см, ножные – 8 см (Иессен А.А., 1965, с.179). В Мадараше ножной браслет также достигал 8 см в диаметре, а ручной – ок.6 см; в Озоре-Тотипусте диаметры, соот-

ветственно, 6,6 см и 4,7 см (Garam E., 1992, s.146). Золотые литые зачепиловские браслеты дают внутренний диаметр около 6 см. Складывается впечатление, что комплект проволочных браслетов из Зачепиловки должен принадлежать субтильному человеку – женщине или ребёнку. Наличие детского браслета, не принадлежавшего самому погребённому, уже отмечалось нами в засыпке п.7 к.1 Костогрызово (Комар А.В. и др., 2006, с.334).

15. *Фрагмент золотого бубенчика* или пуговицы (рис.2, 15; 15, 9), № 3807. Состоит из прессованной полусферы и припаянной сверху проволочной петельки. Диаметр – 1,2 см, вес – 0,7 г.

Детали ремней

16. *Серебряная пряжка* (рис.14, 1), № 3813. Пряжка прямоугольной формы, размеры: 3,9×3,5 см, вес – 18,2 г. Язычок кованый, подпрямоугольный в сечении, его кончик изогнут по форме рамки; длина – 4,1 см, ширина – 4 мм.

17. *Золотой наконечник ремня* (рис.14, 2), № 3800. Наконечник U-образный, коробчатой конструкции (рис.21, 7), паян из двух частей: прессованной бляшки и U-образной стенки. Внутри заполнен во избежание деформации “светло-серой” или “беловатой” пастой. Крепился к ремню при помощи золотого гвоздика с круглой шляпкой, загнутого с обратной стороны в петельку. На лицевой стороне – растительный декор в виде завитков, отходящих от двух вертикально расположенных стеблей; на обратной – сердце с волнистым декором внутри и обрамлением из волн и “запятах”. Размеры: 3,2×2,8 см, толщина – 0,5 см; вес – 12,05 г.

18. *Прямоугольная золотая бляшка* (рис.14, 3), № 3811. Сохранилась чёткая фотография оборотной стороны и плохого разрешения лицевой (рис.2, 33; 14, 3). Тонкая бляшка первоначально покрывала более жёсткую прессованную бляшку из драгоценного металла (очевидно, медную), а её края были загнуты вовнутрь. Декорирована рубчатым ободком и растительным сюжетом, скопированным с византийских наборов стиля “Акалан”. Размеры бляшки в “разглаженном” виде – 4×3 см, размеры самой поясной детали были меньшими – около 3,2×2,2 см; толщина – 3-4 мм (рис.21, 3).

19. *Фрагмент золотой бляшки* (рис.2, 40; 14, 4), № 3811. Прессованная бляшка U-образной формы с тиснёным растительным декором. Размеры фрагмента: 2,6×1 см. По ширине фрагмент приблизительно соответствует наконечнику № 3800. А.К.Тахтай объединил его по декору с прямоугольной бляшкой, отметив в рукописи также добавлением от руки “штампованный орнамент в рубчатой рамке”. На фото (рис.2, 40; 14, 4) просматривается вертикальная ось и отходящие в сторону начала завитков, которые в равной степени могут принадлежать и декору в стиле “Акалан”, и быть частью декора другой растительной схемы. Но “рубчатой рамки” на бляшке не заметно, возможно, А.К.Тахтай при составлении рукописи, не имея перед глазами уже самих оригиналов, слишком буквально перенёс на данную бляшку аналогию с прямоугольной.

20. *Трёхлопастные бляшки* – 5 экз. (рис.2, 9, 10, 28, 36; 14, 8-11), № 3810/а. Тонкие золотые бляшки, покрывавшие прессованную бляшку толщиной около 2 мм и размерами около 2,7×2,5 см (рис.21, 4). По центру бляшек выделен треугольник; сами они повторяют форму “геральдических” трёхлопастных, но без заострённого окончания щитков.

А.К.Тахтай считал все 5 бляшек нашивными, отмечая в инвентарной книге наличие на каждой из них трёх дырочек; в рукописи суммарно в отношении всей группы золотых бляшек отмечается, что на большей их части есть по 2-3 дырочки для крепления к рукояти сабли, ножен и т.п. В нашем распоряжении есть нечёткие фотографии лицевой стороны 4 бляшек и чёткая – для обратной стороны одной из них. На бляшке с чётким изображением (рис.14, 10) видна лишь одна дырочка, по расположению несомненно не функциональная, а образованная вследствие повреждения бляшки. К тому же, на фото обратной стороны бляшки видны следы обжима её краёв вокруг объёмной основы, что подразумевает крепление всей бляшки к ремню или кожаному покрытию ножен всё же другим способом, а не нашивкой.

21. *Вытянутые малые U-образные бляшки* – 3 экз. (рис.2, 38; 14, 6), № 3810/б. Все три смяты, размеры: 2-2,1×1,4-1,5 см. О декоре информации нет. По-видимому, бляшки представляли собой наконечники дополнительных свисающих ремешков пояса или портупей.

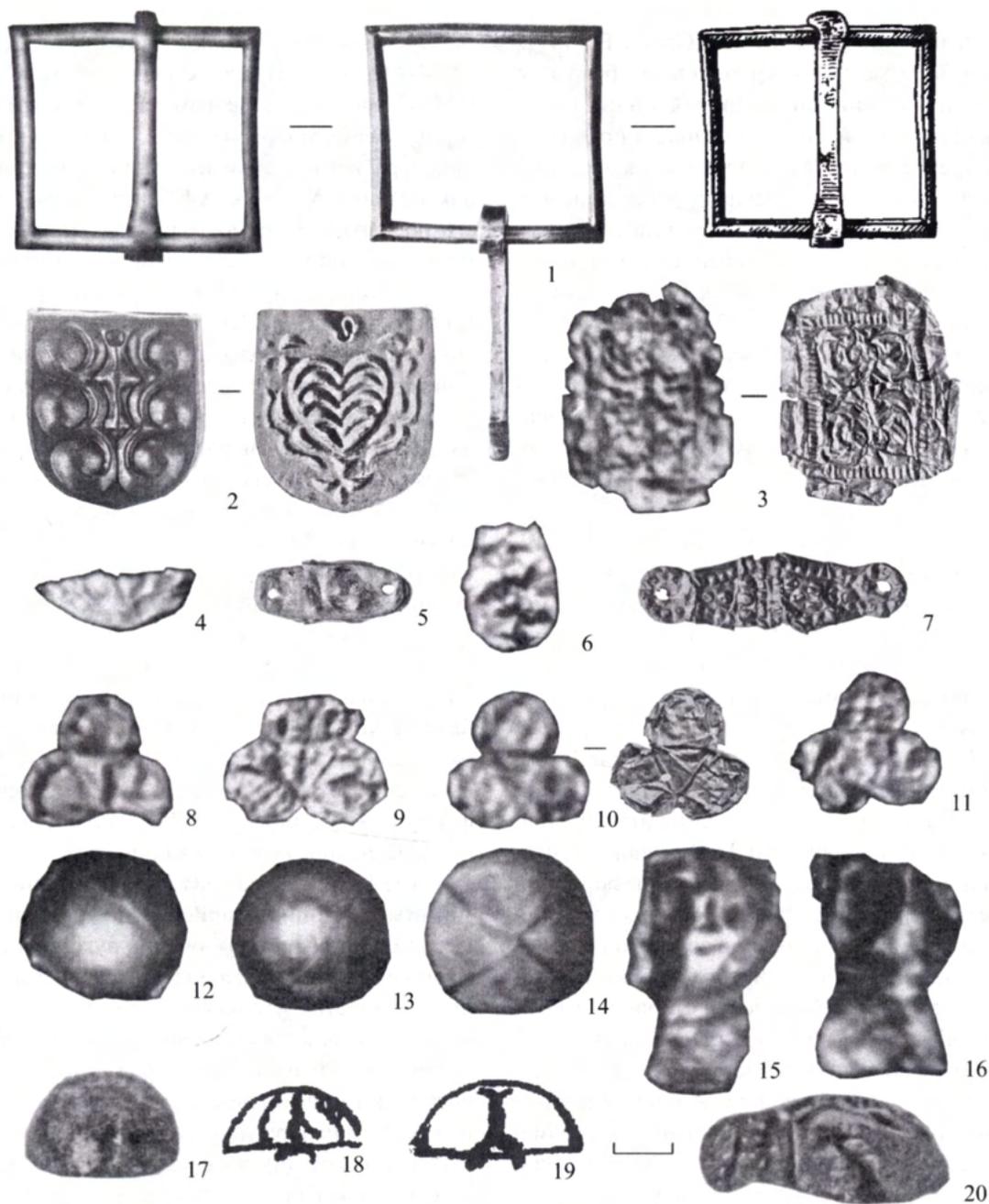

Рис. 14. Детали пояса и сбруи Зачепиловского комплекса (по материалам из архивов ИА НАНУ и ИИМК).

Fig. 14. Belt and harness fittings of Zachepilovka complex (by the images from the archives of Institute of Archaeology of National Academy of Sciences of Ukraine and Institute for the History of Material Culture)

22. Вытянуто-овальная бляшка (рис.2, 16; 14, 5), № 3812. Бляшка выполнена прессовкой из более толстого листа золота, чем предыдущие, но, тем не менее, также облегла жёсткую основу. На концах бляшки имеются две дырочки со следами вмятин от шляпок гвоздиков или заклёпок. Размеры: 3×1 см.

Функциональное предназначение бляшки не совсем ясно. Её форма соответствует пластине для крепления ременной обоймы, но такие пластины находятся вне зрения наблюдателя, с внутренней стороны ремня, откуда плакирование золотом не нужно. С другой стороны, такая плакировка скрывала медную

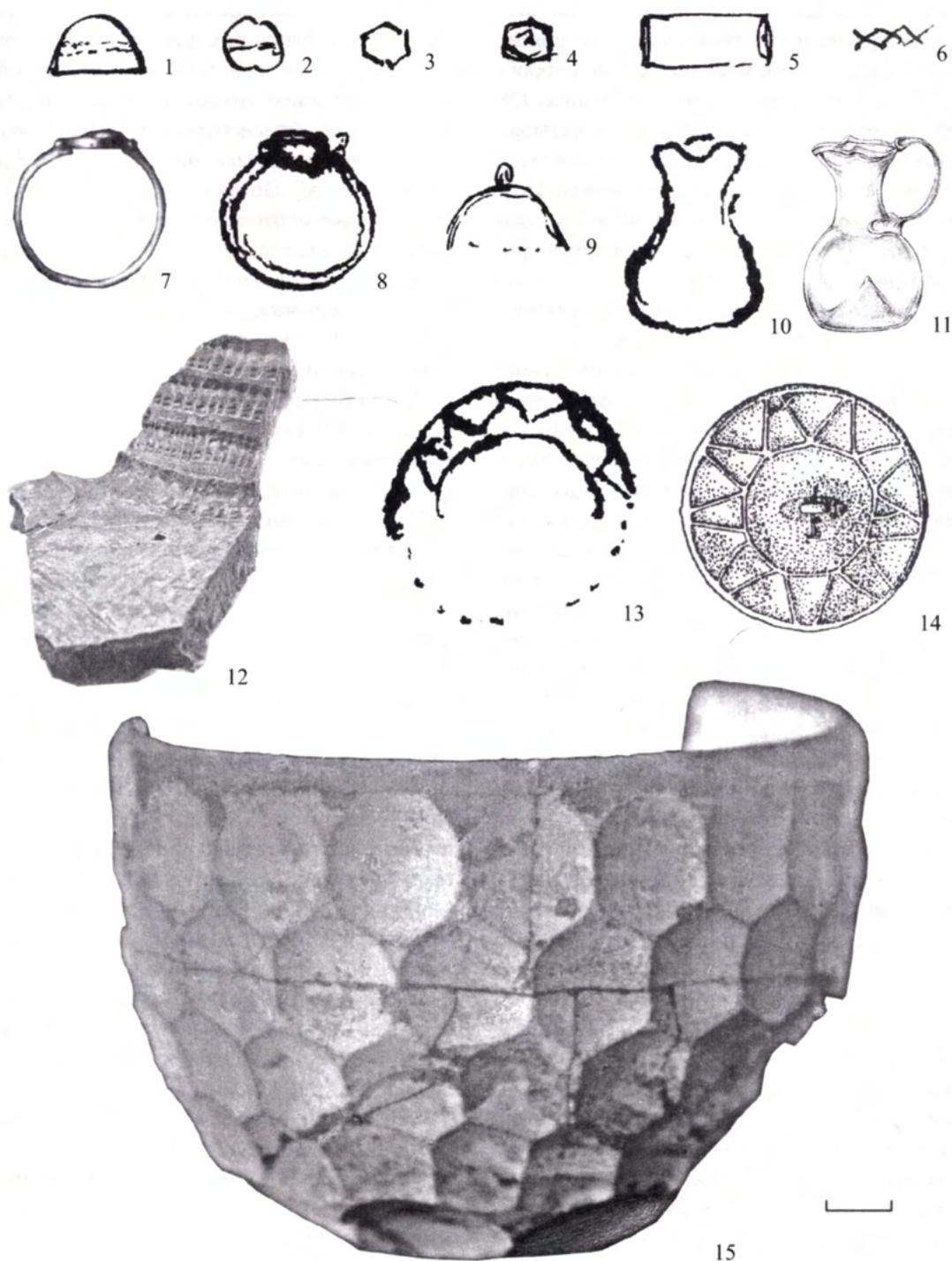

Рис. 15. Неразысканные предметы Зачепиловского комплекса: 1-10, 13, 15 – по материалам из архива А.А.Спицына; 12 – фото из архива ИА НАНУ. Аналогии: 11 – кувшин из п.221 Замарди; 14 – зеркало из кат. V Кобана. 1-6, 9-14 – без масштаба.

Fig. 15. Not found objects of Zachepilovka complex: 1-10, 13, 15 – from A.A.Spitsyn's archive; 12 – a photo from Archive of Institute of Archaeology of National Academy of Sciences of Ukraine. Similarities: 11 – a jug from burial 221 Zamardi; 14 – a mirror from catacomb V of Koban. 1-6, 9-14 – unscaled

или бронзовую пластину, создавая у ненадетого ремня эффект полностью “золотого” пояса.

А.К.Тахтай упоминает также о мелких обрывках, бесформенных и смятых бляшках (№ 3810/д), уже, судя по состоянию которых, можно заключить, что они принадлежали к обтягивающей твёрдую основу золотой фольге. Позже в инвентарной книге ПКМ при сверке указывается, что общее число всех бляшек, включая обрывки, 31, а их суммарный вес – “около 12 г” – совпадает с указанным А.К.Тахтаем общим весом всех бляшек – 11,97 г.

По толщине и размеру бляшки, поступившие в ПКМ, составляют две группы. К деталям пояса можно отнести лишь №№ 16-18, 22, тогда как № 19, 20 принадлежали более узкому ремню, возможно, от портупей меча. Пояс, очевидно, некомплектен – в нашем распоряжении остатки лишь одной U-образной бляшки, которые в синхронных поясных наборах насчитывают не менее 4 экз., поясной наконечник укороченных пропорций – это не основной наконечник, а лишь наконечник одного из дополнительных свисающих ремешков, количество которых обычно также не менее четырёх. Поскольку ни А.К.Тахтаю при пересееивании, ни другим жителям Зачепиловки не удалось найти ни одного другого фрагмента поясных деталей, следует заключить, что большая часть пояса осталась среди предметов, утаённых от государства К.Ф.Юрко.

Детали сбруи

23. *Полусферические бляшки* – 16 экз. (рис.2, 13, 17, 18, 26, 27, 31, 32, 37, 41-43, 45-47; 14, 12-14, 17-19), № 3814. 14 экземпляров целые, 2 фрагментированы. Состоят из бронзовой основы, обтянутой серебряной фольгой, края которой загнуты вовнутрь. На двух бляшках сохранились бронзовые петельки из уплощённой проволоки (рис.14, 18, 19) для крепления к ремню; ещё 4 таких петельки собраны отдельно от бляшек. Диаметр бляшек – 2,5 см, высота – 1,4 см; длина петелек – 1,6 см.

24. *Полусферические бляшки с выступом* – 2 экз. (рис.2, 8, 11; 14, 15, 16, 20), № 3814. Конструктивно аналогичны полусферическим № 16. Длина – 4,4 см, диаметр полусферической части – 3,2 см, высота – 1,0 см. Сохранилась одна отдельная петелька для крепления длиной 1,2 см. Общий вес всех сбруйных бляшек – 73,75 г.

25. *Железные удила*, №№ 3826 (48227), 3833. Изображение не сохранилось. Представлены обломками: одним звеном грызл с обломанным “внешним” кольцом и следами костяного псаля; фрагментом “среднего” кольца второго звена с “остатками двух крепких бронзовых петелек”. Петли описаны как “L-образные высокие ленточные”, одна разогнута. На полях рукописи А.К.Тахтая добавлен чей-то карандашный рисунок петельки (Тахтай А., 1930, с.9), впрочем, отличающийся от L-образной (рис.17, 12). А.Т.Смиленко в публикации указала наличие в коллекции 4 петель (Смиленко А.Т., 1968, с.164), что является ошибкой. В рукописи А.К.Тахтая предложение с отдельным описанием двух петелек перечеркнуто, согласно же инвентарной книге ПКМ (№№ 3826, 3833), “усики” от удила поступили отдельно, тогда как на обломках удила наблюдались лишь остатки медных окислов.

Судя по описанию, речь идет о стандартных удилах с “восьмёркообразным” окончанием грызл (Комар А.В., 2006, рис.42, 4, 5, 8-10), но снабжённых дополнительными элементами в виде L-образных бронзовых скобок, подобно удилам из тюркского к.3 Курая II (Могильников В.А., 1981, рис.19, 99) или же к.1 Курая VI (Могильников В.А., 1981, рис.19, 100), если карандашный эскиз петельки (рис.17, 12) близок к оригиналу. Такие петли крепили к грызлам костяной псалий (Могильников В.А., 2002, рис.43, 5), остатки которого отмечены и в Зачепиловке.

На зубах лошади из Зачепиловки наблюдалась медная окись, причиной которой могли быть как нижняя медная основа серебряных сбруйных бляшек, так и бронзовые скобы псаляев.

26. *Железные стремя* – 2 экз., № 3824 (3 фрагмента), № 3825 (1 фрагмент).

26а. № 3824 – стремя “с ровной широкой нижней пластиной, изгибающейся под прямым углом вверх на высоту половины своей длины, переходя далее в круглую (в сечении) дужку с довольно высокой (? – обломана) петлей сверху. Подножную пластину с загибами перетянута снизу продольным рельефным валиком” (Тахтай А., 1930, с.9-10). Длина подножки – 8 см, ширина – 3,5 см.

26б. № 3825 – “фрагмент железного стремени с плавно выгнутой подножкой”. Ширина подножки – 2,5 см.

Описание первого стремени в публикации А.Т.Смиленко – “дужка сверху изогнута в виде петли” – (Смиленко А.Т., 1968, с.164) ошибочно. А.К.Тахтай, отмечая, что подножка второго стремени уже и немного прогнута вниз, допускал, что она, возможно, деформирована и первоначально была аналогичной подножке первого стремени, из чего можно заключить их одинаковую конструкцию – пластина с загнутыми краями наваривалась на нераскованную подножку стремени. Среди эскизов А.А.Спицына сохранился схематический рисунок подножки первого стремени, из которого видно, что края подножки загнуты не под прямым углом, как описывал А.К.Тахтай, а под тупым углом (рис.17, 13). Такая форма характерна для ранних аркообразных стремян из Вознесенки (рис.17, 14). Ни одно из четырёх аркообразных вознесенских стремян не имело пары, т.е. сочеталось с наиболее массовыми в комплексе “восьмёркообразными” стремянами (рис.17, 15), что наблюдаем и в Зачепилровке – второе стремя с прогнутой вниз подножкой, скорее всего, также имело “восьмёркообразную” форму.

27. Железные пряжки – 5 (?) экз., №№ 3827 (48428), 3828 (48428), 3829 (48428), 3830 (48428).

27а. № 3827 – четырёхугольная железная пряжка без обоймы.

27б. № 3828 – половина четырёхугольной железной пряжки, аналогичной предыдущей, но с пятном медного окисла.

27в. № 3829 – четырёхугольная железная пряжка без язычка с остатками медной или бронзовой обоймы.

27г. № 3830 – половина четырёхугольной железной пряжки, аналогичной № 3829, но без следов обоймы.

27д. № 3831 – четырёхугольная железная пряжка, аналогичная № 3829, с остатками железной обоймы и ткани.

На эскизе А.А.Спицына изображена целая трапециевидная пряжка без обоймы (рис.17, 16), которая должна соответствовать № 3827.

А.К.Тахтай описывает детали пряжек по размерам: “большие” (“высота” – 4 см) – 3 экз., на одной остатке бронзового щитка и ремня (№ 3829?), на другой – обильные остатки ткани (№ 3831); “среднего размера” (3,5 см) – пряжка с остатками бронзового щитка; “мелкая (2,5 см) и обломок второй со следами тако-

го же щитка” (№ 3828). Это описание не совсем согласуется с инвентарной книгой. Согласно последней, группы по схожести образуют пряжки №№ 3827-3828 и № 3829-31, что позволяет отнести к “большим” пряжку № 3830. “Средней” остаётся только № 3827, но на ней не должно быть обоймы, согласно инвентарной книге и рисунку А.А.Спицына. К тому же, из рукописи можно понять, что пряжек всё же 6, а не 5. Похоже, что А.К.Тахтай подобрал из обломков шестую пряжку уже после составления инвентарной книги (№ 3833 включает “обломки железных пряжек”), либо же в рукописи где-то содержится ошибка, например, “3 экз.” больших пряжек вместо двух. В последнем случае “большие” пряжки – №№ 3829, 3831; “средняя” – № 3830; “малые” – №№ 3827, 3828.

28. *Фрагменты железной пластинки* – 5 экз. Остатки тонкой длинной железной пластинки с загнутым одним или двумя продольными краями. На пластине оттиснуты две продольные полосы, между которыми отчеканен декор в виде концентрических кружков.

А.А.Спицын и А.К.Тахтай оставили эскизные зарисовки самого большого из фрагментов (рис.17, 9, 11). В инвентарной книге его размеры значатся как 4,2×2,3 см; в рукописи статьи размеры больше – 5×2,5 см. Учитывая, что пластина намеренно декорирована, она, несомненно, служила наружной оковкой какого-то деревянного предмета. Скорее всего, таковым являлась передняя лука седла толщиной 2,3-2,5 см.

Оружие

29. *Фрагменты железного однолезвийного меча*, № 3821 (32978, 48426). Обломки клинка шириной 2,5 см, местами с остатками органики от деревянных или кожаных ножен. На фрагменте рукояти – остатки деревянных дощечек и гвоздик для их скрепления, шляпка которого покрыта тонким золотым листом. В рукописи добавлено, что деревянные части рукояти были оправлены железом.

В инвентарной книге обломки названы остатками “однолезвийного меча”, в рукописи – “сабли”. Поскольку установить кривизну клинка по сохранившимся обломкам было невозможно, “саблю” следует отнести к разряду интерпретаций. Общую длину “тесака” К.Ф.Юрко определял в 75 см. На эски-

зе А.А.Спицына видно клиновидное сечение клинка (рис.16, 2б).

30. *Золотые обкладки перекрестья меча* – 7 фрагментов, № 3812 (рис.2, 14; 16, 1). Обтяжка осуществлялась при помощи двух фигурных золотых листов по форме перекрестья, в древности спаянных. Одна часть размерами 5,5×2 см сохранилась лучше (рис.16, 1); вторая пластина разорвана на 5 фрагментов.

Перекрестье с ромбовидным выступом по центру и утолщениями на концах. Обкладка смята и разорвана находчиком при сдирании золота с железной основы, к тому же в нашем распоряжении нет чёткой фотографии или рисунка, поэтому форма окончаний перекрестья не совсем видна.

А.А.Спицын зарисовал одну часть обкладки скруглённой, вторую – заострённой (рис.16, 2). На фото хорошо заметно, что выступ справа, хотя и не столь чётко подсерцевидный, как у перекрестья из Перещепины, Вознесенки и Глодос (рис.16, 3-8), но всё же заметно отличается от овальных выступов аварских перекрестий из Озоры-Тотипусты и Игара (рис.16, 10, 11).

Сам факт золотой обтяжки перекрестья меча из Зачепиловки, а также остатки золотой пластинки на гвоздике рукояти ясно свидетельствуют о необходимости наличия и других золотых частей украшения меча, характерных в этот период для богатых аварских и восточноевропейских кочевнических комплексов. Как минимум, в коллекции Зачепиловки не хватает золотых обкладок рукояти меча, верха и низа ножен. Эта некомплектность – ещё одно свидетельство в пользу версии о несдаче К.Ф.Юрко части находки государству.

31. *Железные трёхлопастные наконечники стрел* – 15 экз., № 3822 (48123) (рис.17, 3). Все наконечники фрагментированы или повреждены. На одном или нескольких – остатки древка. Представлены двумя типами.

31а. Узкие более длинные наконечники (длина пера – 4,7 см) – 10 экз.

31б. Наконечники с укороченным, но более широким “сегментовидным” пером (3-4 см) – 5 экз. В двух наконечниках второго типа отмечены отверстия в лопастях.

К рукописи А.К.Тахтая приложен рисунок одного наконечника первого типа (рис.17, 3). В эскизах А.А.Спицына оба типа отражены схематически (рис.17, 1, 2). По описанию и ри-

сункам несомненно, что набор наконечников из Зачепиловки был аналогичен набору наконечников стрел из Вознесенки (рис.17, 4-7).

32. *Фрагмент железной кольчуги*, № 3823. Небольшой скипевшийся фрагмент.

Эскизный рисунок есть в “корочках” А.А.Спицына (рис.17, 8), судя по нему, сохранился ряд, состоящий приблизительно из 5 колец в ширину и 3 в высоту. Атрибутировать данный фрагмент как отражение наличия в комплексе защитного доспеха, несомненно, трудно. Пример п.2 к.3 Сивашовки показывает, что кольчужное плетение использовалось также для защиты уязвимого участка между полками седла (Комар А.В. и др., 2006, рис.23; 24, 4).

33. *Железная пластина*, № 3832 (32997). Массивная повреждённая пластина размерами 9×4,5 см с отпечатками ткани с одной стороны. Сохранился эскизный рисунок А.А.Спицына (рис.17, 10).

А.К.Тахтай интерпретировал пластину предположительно как панцирную или в качестве конского налобника (Тахтай А., 1930, с.10). Отпечатки ткани косвенно объединяют её с железной пряжкой № 3831, несомненно относившейся к деталям сбруи. Нельзя исключать, что, как и в п.2 к.3 Сивашовки, в Зачепиловке находилось седло с защищённой при помощи кольчужного плетения и железной пластины передней частью.

Бусы

В коллекции после трёх этапов сбора находилось 17 экз. бус: 5 стеклянных, 9 “смальтовых”, 2 карниоловых, 1 халцедоновая. Внесены в инвентарную книгу под № 3815-3817, 3836/3.

34. *Стеклянные плоские “чечевичные” бусы* – 7 экз.

34а. Синие прозрачные – 3 экз. Высота – 0,3 см, диаметр – 3,5-5 см (ср.: Ковалевская В.Б., 2000, МЕР № 131; Голдина Е.В., 2010, тип IVA65).

34б. Непрозрачные кирпичного цвета – 2 экз., “мелкие”.

34в. Непрозрачные черного цвета – 2 экз., “мелкие”.

35. *Стеклянные глазчатые и бородавчатые бусы* – 6 экз.

35а. Цилиндрические кирпичного цвета с белыми глазами-шишечками и белыми ром-

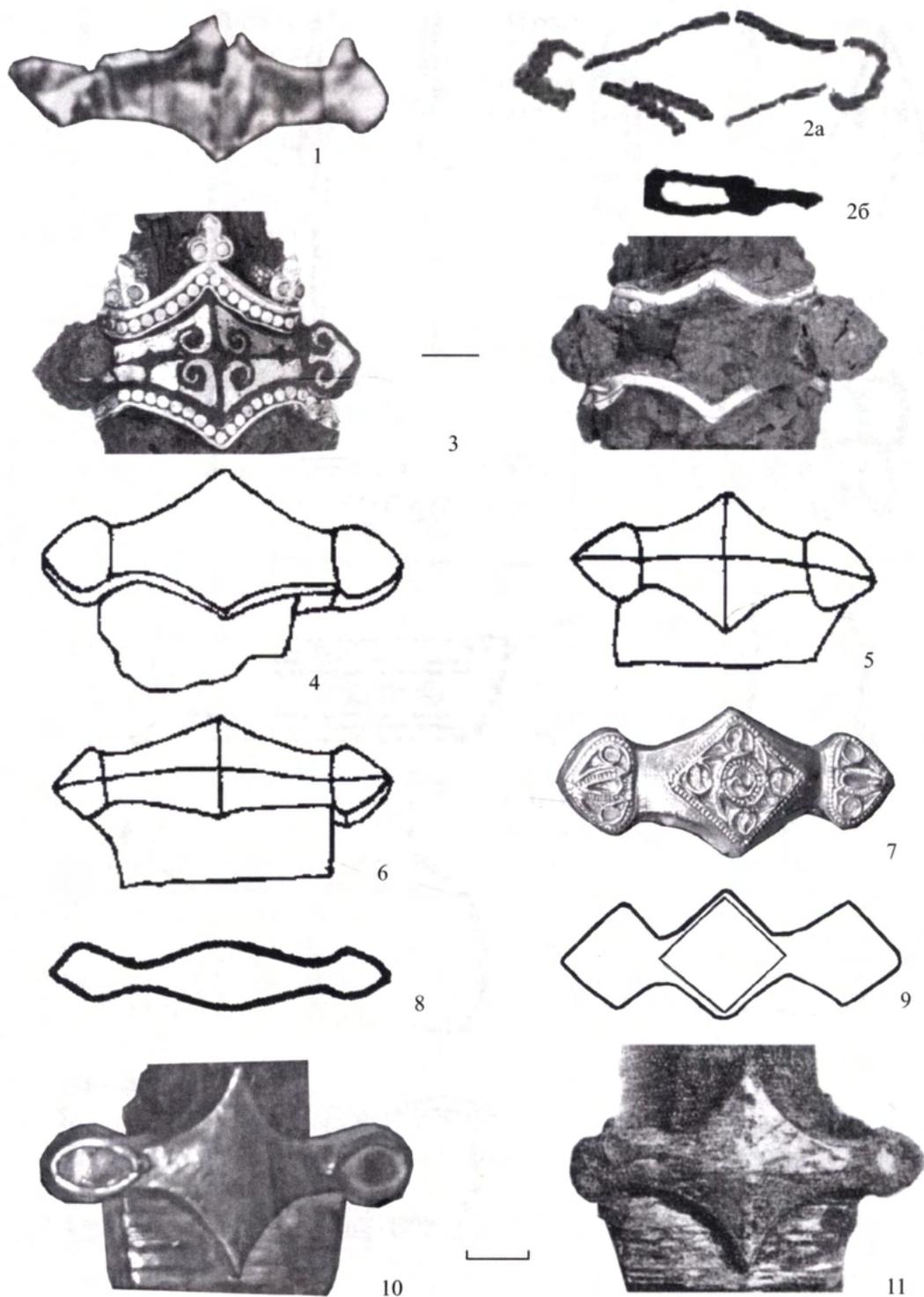

Рис. 16. Перекрестья мечей: 1, 2 – Зачепиловка (по фото и рисунку из архива А.А.Спицына); 3 – Перещепина; 4-6 – Вознесенка; 7 – Глodosы; 8 – Афрасиаб; 9 – Отрар; 10 – Озора-Тотипуста; 11 – Игар.

Fig. 16. Sword guards: 1 – Zachepilovka (by the photo and drawing from A.A.Spitsyn's archive); 3 – Pereschepina; 4-6 – Voznesenka; 7 – Glodosy; 8 – Afrasiab; 9 – Otrar; 10 – Ozora-Tótipusztá; 11 – Igar.

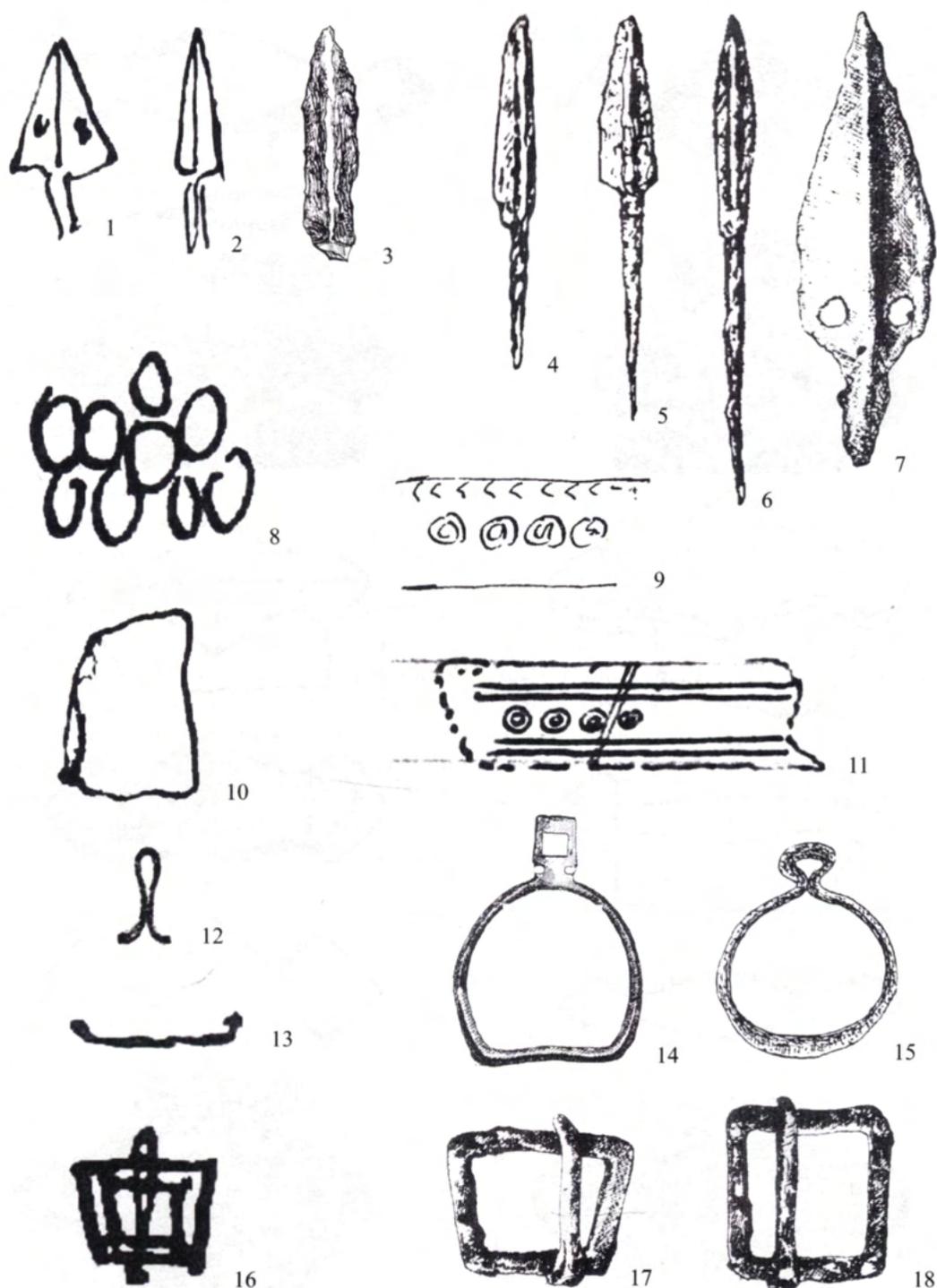

Рис. 17. Железные предметы из Зачепиловки: 1, 2, 8, 10, 11, 13, 15 – эскизы А.А.Спицына; 3, 12 – рукопись А.К.Такhtая; 9 – инвентарная книга ПКМ. Аналогии: 4-7, 14, 15, 17, 18 – Вознесенка. Без масштаба.

Fig. 17. Iron objects from Zachepilovka: 1, 2, 8, 10, 11, 13, 15 – A.A.Spitsyn's drawings; 3, 12 – A.K.Takhtai's manuscript; 9 – a registration book of the Poltava Museum of Local History. Similarities: 4-7, 14, 15, 17, 18 – Voznesenka. Unscaled

бическими ободками – 2 экз. Высота – 0,7-0,8 см, диаметр – 1 см. А.К.Тахтай называет их количество “3”, но уточняет, что две “в неразделённом столбике”, т.е. это двучастная бусина. А.А.Спицын зарисовал лишь схему пересечения накладных белых нитей (рис.15, б) (ср.: Ковалевская В.Б., 2000, МЕР № 174).

35б. Бочковидная коричневая с белыми глазами-шишечками и белыми ромбическими ободками – 1 экз., № 3816. Высота – 1 см, диаметр – 1,1 см (ср.: Ковалевская В.Б., 2000, МЕР № 174).

35в. Цилиндрическая “оливковая” или “тёмно-серая” с синеватыми глазками. Длина – 0,9 см, диаметр – 1 см (ср.: Голдина Е.В., 2010, тип IVБ36а).

На эскизе А.А.Спицына надписи “коричневая”, “красноватая” и “оливковая” соответствуют одному не очень чёткому рисунку (рис.15, 4). На нём вероятные шишечки расположены лишь одним рядом по центру бусины, что существенно сужает круг аналогий. Очевидно, речь идёт о бусах, распространённых в Карпатской котловине в ранне- и среднеаварский периоды (Pastor A., 2008, tab.2; abb.2).

35г. Шаровидная чёрная с синеватыми глазами без ободков и коричневыми кружочками-спиралями внутри глазок. Высота – 0,7 см, диаметр – 0,95 см.

Шаровидная форма не характерна для бордавчатых бус, также как и дополнительный орнамент шишечек. Вероятно, эта бусина отнесена А.К.Тахтаем в группу бус “с шишечками” благодаря рельефным выступающим глазкам. Ключевая деталь – “коричневые кружочки-спирали”, характерные для глазчатых бус МЕР № 161, по В.Б.Ковалевской (2000, МЕР № 161).

36. Синяя цилиндрическая бусина из прозрачного стекла, высота – 0,9 см, диаметр – 1 см. Бусина легко идентифицируется с рисунком А.А.Спицына (рис.15, 5), поскольку в комплексе не было другой синей цилиндрической бусины (ср.: Ковалевская В.Б., 2000, МЕР № 101). Но на эскизе хорошо заметно преобладание длины бусины над её диаметром. Полностью аналогична ситуация и со следующей зелёной биконической бусиной. По-видимому, А.К.Тахтай мог перепутать в своих черновых записях порядок указания высоты и диаметра бус, отсюда все приведённые нами цифровые

данные, возможно, следует менять местами для реальной оценки размеров бус.

37. Зелёная биконическая бусина из прозрачного стекла. Высота – 6 мм, диаметр – 1,2 см (о размерах см. выше). Бусине соответствует эскиз А.А.Спицына (рис.15, 3) (ср.: Ковалевская В.Б., 2000, МЕР № 104).

38. Каменные карниоловые бусы – 2 экз.

38а. Оранжевая шаровидная диаметром 0,7 см. Судя по рисунку А.А.Спицына (рис.15, 2), относится к подтипу с небрежной обработкой (Ковалевская В.Б., 1998, с.16-18).

38б. Полусферическая диаметром 0,6 см. На рисунке А.А.Спицына первоначально нарисован канал перпендикулярно к плоской стороне, затем зачеркнут и нарисован продольно; в приведённой нами иллюстрации (рис.15, 1) ошибочный рисунок канала убран во избежание путаницы.

39. Сферическая халцедоновая бусина, № 3817. Выполнена из слабопрозрачного халцедона красновато-коричневого цвета, с тёмными, пересекающимися под углом, прожилками внутри. Диаметр – 3,5 см, диаметр канала – 5 мм, вес – 53,31 г.

Размеры и, особенно, вес бусины полностью исключают её использование в ожерелье, что подтверждается и местом находки бусины – среди костей коня. Скорее всего, она была вплетена в гриву коня.

Стеклопосуда

40. Стеклопосуда (рис.15, 15), № 3818 (30754). Литая чаша полусферической формы со шлифованным орнаментом. Верхний ряд шлифов круглой формы, ниже круги сливаются краями, образуя “сотоподобный” декор. Цвет стекла первоначально определён как “желтоватый”, затем исправлен на “белый”; на поверхности признаки иризации. Диаметр венчика – 12 см, диаметр дна – 4 см, высота – 8,9 см, толщина стенок – 0,4-1,6 см, толщина дна сосуда на сломе – 1,5 см.

41. Стеклопосуда (рис.15, 16), № 3819 (48266). Фрагменты сосуда из тонкого зелёного стекла типа “округлобокого графина с широким коротким горлом”. Склеено горло и доньшко. Дно вогнутое, горло с “треугольным” сливом. По свидетельству К.Ф.Юрко, первоначально присутствовала ручка, но была позже утеряна. Высота – 21-22 см, высота горла – 8

см, диаметр горла – 4,5 см, диаметр дна – 8 см, диаметр тулова – 14 см.

Сохранился только эскизный рисунок А.А.Спицына (рис.15, 10), который позволяет подобрать в качестве ближайшей аналогии сосуд из аварского п.221 Замарди (15, 11) (Garam E., 2001, taf.128, 2; Bardos E., Garam E., 2009, taf.26, 1).

Керамическая посуда

42. *Фрагмент гончарного кувшина* (рис.15, 12). Представляет собой переходную часть тулова к горлу кувшина, на фото также виден участок места крепления ручки или декоративной шишечки. Горло орнаментировано многорядным зубчатым штампом по мокрой глине, на тулове также видна часть декора круговыми расчёсами.

По форме и характеру орнаментации кувшин принадлежит к аланским канцирско-го типа (Минаева Т.М., 1961; Сміленко А.Т., 1975), широко представленных в Вознесенке и Келегеях.

Оковки деревянного сосуда

43. *Золотые обоймицы с псевдозерньным орнаментом* – 2 экз. (рис.2, 30; 14, 7), № 3810, 3836/1. Бляшка подромбовидной с округлыми окончаниями формы, её размеры: 4,5×1,5 см. Украшена ободками тиснёной псевдозерни. Вторая (№ 3836/1) повреждена, изображение в архивных материалах отсутствует.

Обоймица (рис.21, б) распрямлена в плоскую бляшку, но А.И.Семёнов справедливо счел её аналогичной обоймицам из Вознесенки, интерпретировав как оковку деревянного сосуда или наконечник ремня (Семёнов А.И., 1989, с.63-64). Э.Тот и А.Хорват собрали также аналогии из аварских комплексов, рассматривая такие предметы в русле оковок деревянного сосуда (Toth E.H., Horvat A., 1992, s.183-191; abb.72-76; fb. taf.11; taf.XVI, 8-12). В Зачепиловке обоймица единична, тогда как в Кунбабоне таковых 6, а в Вознесенке – 5. Некомплектность деталей объясняется той же причиной, что и некомплектность пояса – утаиванием части комплекса находчиком. В Келегеях также сохранилась лишь одна обоймица (Prichodnjuk O.M., Chardaev V.M., 2001, kat.21), в к.13 Дорофеевского могильника – 3 (Круглов Е.В., 1992, рис.3, 4). В последнем погребении

обоймицы располагались *in situ* на высоте 15 см от дна, отражая вероятный диаметр сосуда в 13 см (Круглов Е.В., 1992, с.154).

Вся упомянутая коллекция обоймиц рассчитана на довольно тонкие стенки – не больше 2 мм, причём такая толщина должна сохраняться на участке сосуда высотой не менее 2 см, делая его весьма хрупким, что совсем непрактично при транспортировке. К тому же, деревянные сосуды имели свойство рассыхаться и трескаться, ввиду чего их приходилось специально скреплять скобками или накладывать заплатки из бересты (Багаутдинов Р.С. и др., 1998, табл.IX, 7; Кубарев Г.В., 2005, с.68, рис.18, 1, 3, 4). Пробитый же для декорации несколькими гвоздиками тонкий деревянный сосуд автоматически был подвержен такой опасности больше других. Зафиксированные в джетыасарских погребениях Приаралья металлические треугольные обоймицы деревянных сосудов рассчитаны на значительно более ощутимую толщину края сосуда, резко утолщающегося ниже (Левина Л.М., 1996, рис.103, 4-13). Последняя деталь важна, так как и восточноевропейские, и аварские обоймицы в разрезе отражают относительно ровные, а не утолщающиеся стенки. Обратим внимание ещё на один момент – различные обоймицы использовались у кочевников как функциональные для крепления кожаной обтяжки седла.

В быте современных тюркских народов Тувы и Алтая широко использовались сосуды из бересты и кожи в качестве чашек, фляг, бурдюков (Вайнштейн С.И., 1991, рис.50, 2, 4; 56; 61). Берестяные сосуды при этом обычно имели прошитый ободок по венчику. О традициях обработки бересты кочевниками Северного Причерноморья ярко свидетельствуют колчан из Сивашовки (Комар А.В. и др., 2006, рис.21, 22), ножны меча из Яблони (Орлов Р.С., 1999, рис.1, б), берестяное гробовище из Обозного (Комар О.В., Піоро В.І., 1999, с.150). Несмотря на кардинальное отличие технологий изготовления деревянных чаш и берестяных сосудов, последние, собственно, также принадлежат к категории “деревянной посуды”, а следовательно, повторение декора обоймицами-оковками для них закономерно.

Зачепиловская обоймица дошла до нас уже в распрямлённом виде, поэтому в данном случае уточнение материала изготовления сосуда

невозможно. Более определённо берестяную чашку можно предполагать для обоймицы из Келегеев, где толщину стенки позволяет установить сохранившийся гвоздик (Prichodnjuk O.M., Chardaev V.M., 2001, abb.6, 4). В Глодосах подпрямоугольные серебряные оковки сохранились с остатками обгоревшего дерева (Сміленко А.Т., 1965, с.39; рис.40), а в к.1 Шиловки остатки деревянной чаши, скреплённой при ремонте проволочками, оковок не имели (Багаутдинов Р.С. и др., 1998, табл.ІХ, 7).

Зеркало

44. *Фрагменты серебряного (?)-зеркала, № 3820, 3836/2.* Фрагмент хрупкого металла серебристого цвета размерами 2,5×1,5 см и толщиной 1-2 мм; размеры второго не указаны. С одной стороны поверхность гладкая, с другой – покрыта рельефным литым орнаментом в виде концентрических кругов, между которыми – геометрический зигзагообразный декор. Реконструируемый диаметр – 5,5-6,5 см. В инвентарной книге металл не определён, но в рукописи А.К.Тахтай называет его “серебристой патинированной бронзой” (Тахтай А., 1930, с.8). Очевидно, речь идёт о низкопробном серебре, исследователя же смутила обычная для такого рода изделий зеленая “медная” патина.

Эскизный рисунок А.А.Спицына (рис.15, 13), – по-видимому, реконструкция, поскольку на нём размеры фрагмента должны захватывать почти половину зеркала. Такая реконструкция соответствует обычному типу зеркал для раннесредневековых алан (рис.15, 14) (Ковалевская В.Б., 2005, рис.80).

Дата и этнокультурная принадлежность

А.К.Тахтай объединял зачепиловскую находку в единую культурно-хронологическую группу с комплексами из Малой Перещепины, Макуховки и Келегеев, указывая, что именно зачепиловский пример может служить доказательством того, что такие комплексы являются погребальными, а не кладами (Тахтай А., 1930; 1932). В.А.Гринченко в этот ряд добавил исследованный им Вознесенский памятник, предположив, что и другие комплексы могут быть связаны с погребениями по обряду трупожжения (Гринченко В.А., 1937).

Несмотря на различные этнические и исторические интерпретации комплексов перещепинского круга, до 70 гг XX в. хронологически они не расчленились на группы. Первым выделил горизонт VIII в. А.К.Амброз, отнеся к нему комплексы из Зачепиловки (“Новых Санжар”) и Глодос (Амброз А.К., 1971, с.116). Позже исследователь уже чётко разделит комплексы на две группы: в группу V, датируемую VII в., вошли Перещепина, Келегеи и Глодосы, а в группу VI, датируемую нач.VIII в., – Вознесенка, Ясиново, Романовская и Зачепиловка (Амброз А.К., 1981, с.13; рис.4а-7). Комплексы из Перещепины, Глодос и Вознесенки А.К.Амброз рассматривал как последовательный хронологический ряд 2-й пол.VII – 1-й пол.VIII в. развития поминальных традиций одной группы кочевников тюркского происхождения (Амброз А.К., 1982; 1986).

А.И.Айбабин Ясиновский, Зачепиловский и Келегейский комплексы интерпретировал как воинские погребения с конём, принадлежавшие тюркам, выделив их, вслед за М.И.Артамоновым, в “перещепинскую культуру”. В плане датировки Келегеи и Зачепиловка были отнесены им ко 2-й пол.VII в., а Ясиново – к 1-й пол.VIII в. (Айбабин А.И., 1985; 1991).

Параллельно Й.Вернер также интерпретировал комплексы из Перещепины, Зачепиловки и Келегеев как погребения, но болгарской знати, связав Перещепинский комплекс с историческим болгарским вождём Кувратом (Werner J., 1984).

Акцентировав внимание на изучение поступлений к кочевникам византийских монет, А.И.Семёнов противопоставил “среднеднепровскую” и “нижнедонскую” группы кочевнических погребений и отдельных комплексов, констатировав концентрацию монет 1-й пол.VII в. в первой, а монет 1-й пол.VIII в. – во второй группе. Продемонстрировав также различие погребальных традиций, исследователь уверенно соотнёс первую группу с булгарами, тогда как вторую (тип Соколовской балки) – с хазарами, сделав оговорку лишь для “безмонетных” комплексов из Вознесенки и Ясиново о возможности их принадлежности тюркам (“тюркютам”) (Семёнов А.И., 1987; 1988; 1991 и др.).

Опираясь на наблюдения А.И.Семёнова, а также на собственную графическую шкалу синхронизации раннесредневековых комплексов Карпатской котловины, славянской лесостепи, Крыма, Северного Кавказа и Приуралья, И.О.Гавритухин синхронизировал комплексы из Перещепины, Келегеев и Зачепиловки с аварским горизонтом Боча-Кунбабонь, а Вознесенку – с горизонтом Игар-Озора; при этом памятники первой группы были связаны с “реалиями Великой Булгарии”, тогда как причины появления второй группы не конкретизировались (Гавритухин И.О., Обломский А.М., 1996).

Невозможность разделения памятников круга Перещепины и Вознесенки на две самостоятельные этнокультурные группы была аргументирована А.В.Комаром при анализе предметов “варварской” части комплексов, вслед за М.И.Артамоновым и А.И.Айбабиным, выделенных в единую перещепинскую культуру, а яркие “тюркские” элементы культуры были связаны с тюркским компонентом в составе хазар. Наличие в Перещепине и Келегеех ряда признаков, сближающих их с аварским горизонтом Игар-Озора, но отсутствующих в Боче, было использовано в качестве аргумента некоторой асинхронности горизонтов Боча-Кунбабонь и Перещепины; при этом Перещепина, Макуховка и Келегеи отнесены к горизонту Перещепины последней трети VII в., а Вознесенка, Глodosы, Ясиново и Зачепиловка – к горизонту Вознесенки нач.VIII в., причем в датировке собственно Зачепиловского комплекса акцент был сделан на сходство сбруйных украшений и типов стремян с Вознесенкой и Глodosами (Комар А.В., 1999; Комар О.В., 2000).

Также в качестве единой этнокультурной группы тюркского происхождения рассматривала комплексы из Перещепины и Вознесенки З.А.Львова, предположившая даже их принадлежность одному человеку – умершему около 660 г вождю булгар Куврату из тюркского рода Дуло (личность которого, впрочем, исследователь уже реконструировала с привлечением фиктивного “булгарского источника” – “Гази-Барадж тарихы”) (Львова З.А., 2000). С собственно булгарской знатью (не тюрками), вслед за Й.Вернером, все памятники перещепинского круга (и Зачепиловку в т.ч.) связы-

вали Р.Рашев (2000; 2004) и О.М.Приходнюк (2001), датируя их не позже VII в.

В новой работе, посвящённой хронологии поясных деталей хазарского периода, И.О.Гавритухин отнёс к горизонту Перещепины Макуховку, Келегеи и Глodosы (последний комплекс с оговорками), оставив открытой атрибуцию Ясиново, а для Зачепиловского комплекса допустил принадлежность к периоду сосуществования горизонтов Перещепины и Вознесенки. Последний также претерпел изменения по составу – из него было удалено погребение у ст.Романовской, что позволило опустить верхнюю границу горизонта Вознесенки к рубежу “около 700” – условной дате начала позднеаварского периода (Гавритухин И.О., 2005). Большинство “неясностей” в определении относительной позиции комплексов исследователь объяснял неполнотой публикации или степенью сохранности коллекций комплексов.

Эти положения были подвергнуты основательной критике в работе А.В.Комара (Комар А.В., 2006). “Проблема Глodos” была фактически закрыта после введения в научный оборот золотого пояса “глodosского” стиля и перекрестий сабель из Вознесенки (Комар А.В., 2006, рис.11; 20; 31), а также ножа с золотой инкрустацией из Глodos (Комар А.В., 2008а, с.193; 2008б, рис.2, 23, 24). Келегейский комплекс опубликован только в наиболее репрезентативной части из коллекции МИДУ (Prichodnjuk O.M., Chardaev V.M., 2001), но его потенциал не исчерпан, учитывая неопубликованную рукопись А.К.Тахтая (Тахтай А., 1932) и сохранение части комплекса в Херсонском музее. В процессе подготовки к полной публикации сохранившихся материалов находится Вознесенский комплекс. Исправить же положение с информацией о Зачепиловском комплексе призвана настоящая работа.

Монеты

Впечатление особой близости Зачепиловского и Перещепинского комплексов, точные аналогии среди вещевого набора которых ограничиваются всего лишь парой литых браслетов (№ 12) и малым перстнем (№ 13), возникло благодаря раннему введению в научный оборот информации о византийских солидах из Зачепиловки. К моменту первой публи-

кации вещевой части комплекса Зачепиловка была уже давно известна именно как один из ближайших к Перещепине пунктов (рис.18), в котором найден сходный по составу набор византийских монет.

Взаимосвязи монет из Зачепиловки с другими синхронными кочевническими комплексами специально изучались А.И.Семёновым и И.В.Соколовой (Семёнов А.И., 1986; 1991; Соколова И.В., 1993). Два солида Фоки присутствовали в Перещепине (Залеская В.Н. и др., 1997, кат.М2-3), но при обилии в этом комплексе монет выпуска 638-641 гг Ираклия, Ираклия Константина и Ираклия II, полновесные солиды с надписью CONOB на обороте представлены только одним экземпляром, принадлежащим как раз к спорному по дате типу

МІВ № 53 (Залеская В.Н. и др., 1997, кат.М10; с.27, 28). Монета этого же типа присутствует и в Келегеях (Семёнов А.И., 1991, рис.2, 3; Prichodnjuk O.M., Chardaev V.M., 2001, kat.29, p.608). Также в Келегеях находят аналогии солиды № 3 и 4 Зачепиловки (Семёнов А.И., 1991, рис.2, 1, 2, 4; Prichodnjuk O.M., Chardaev V.M., 2001, kat.26-28, p.608). Солоидов типа МІВ № 50 в Келегеях два; судя по описанию, такой же солид сохранился от большого (в несколько сотен монет) клада солидов из Майстрова (Кропоткин В.В., 1962, с.31-32). Солоид Константа II 642-646 гг (644/645 гг ?) в Келегеях полновесный (Семёнов А.И., 1991, рис.1, 4; Prichodnjuk O.M., Chardaev V.M., 2001, kat.31, p.608), но 19 легковесных солидов этого периода чеканки с маркировкой oVXX известны в

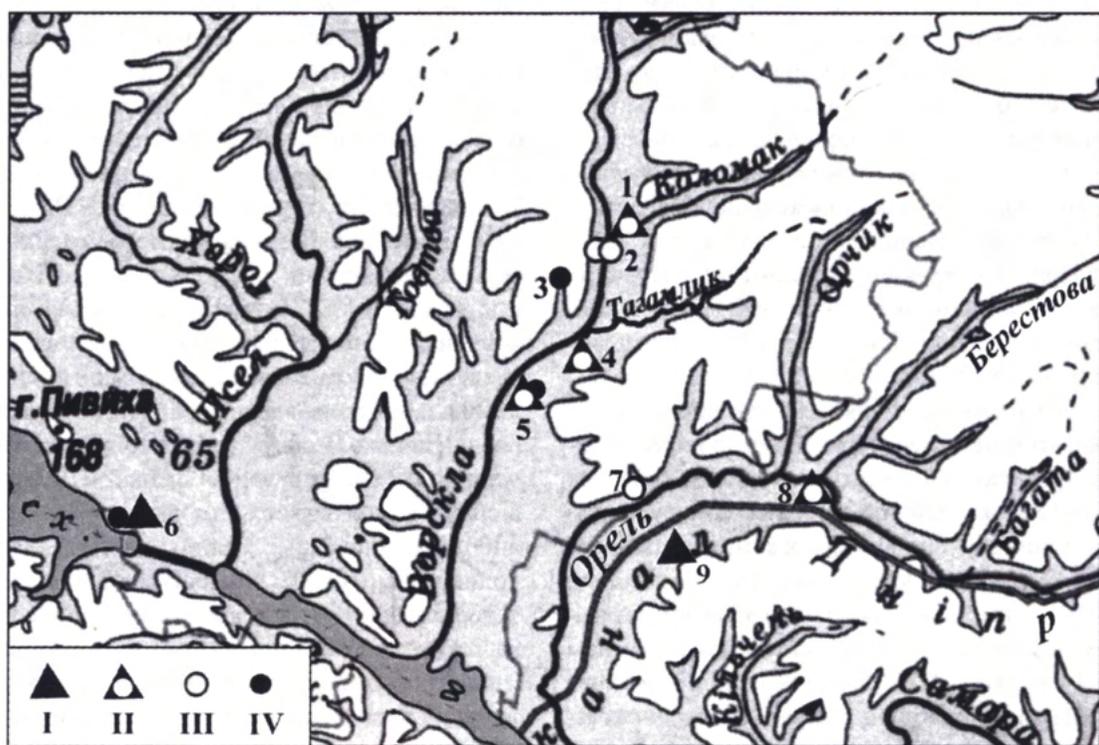

Рис. 18. Памятники перещепинской культуры в бассейнах Ворсклы и Орели: I – подкурганные погребения; II – бескурганые погребения и комплексы с византийскими монетами; III – случайные находки византийских монет; IV – комплексы с гончарными сосудами канцирского типа. 1 – Макуховка; 2 – Полтава; 3 – Мачехи; 4 – Малая Перещепина; 5 – Зачепиловка; 6 – Топыло; 7 – Нехвороща; 8 – Осиповка; 9 – Заплавка.

Fig. 18. Sites of Pereschepina culture in the basins of the Vorskla and Orel rivers: I – barrow burials; II – burials without a barrow and complexes with Byzantine coins; III – occasional findings of Byzantine coins; IV – complexes with wheel-made pottery of Kantsyrka type. 1 – Makukhovka; 2 – Poltava; 3 – Machehi; 4 – Malaia Pereschepina; 5 – Zachepilovka; 6 – Topylo; 7 – Nekhvoroscha; 8 – Osipovka; 9 – Zaplavka

Перещепине (Залесская В.Н. и др., 1997, кат. М51-69), из них один с такой же официной "θ" (Залесская В.Н. и др., 1997, кат.М52). Серебряные позолоченные отливки из разрушенного курганного погребения в Екатеринославской губернии сделаны по оттиску солида с официной "Γ" (Голенко К.В., 1956, с.292), наиболее многочисленной среди солидов данного типа в Перещепине (Залесская В.Н. и др., 1997, кат.М53-69).

По хронологическому составу набор монет Зачепиловского комплекса (Фока, Ираклий с двумя соправителями, Константин II начала правления) действительно ближе всего к Перещепине, с которой Зачепиловку дополнительно связывают солиды № 5-7, выпущенные одной мастерской, но разными штемпелями (Семёнов А.И., 1991, с.124-125; Соколова И.В., 1993, с.151). С Келегеями Зачепиловку объединяет преобладание в комплексе полновесных солидов (в обоих присутствуют всего по 2 лёгких солида), в т.ч. солиды № 3-5 с одинаковой маркировкой, но вновь чеканенные разными штемпелями. Также обращает внимание отсутствие в обоих комплексах наиболее многочисленных в Перещепине 20-каратных солидов Ираклия, Ираклия Константина и Ираклия II 638 г чеканки, представленных также в Макуховке (Семёнов А.И., 1986, с.33) и Нехвороще (ПКМ № 7640).

Объяснить отсутствие лёгких солидов 638 г чеканки в Келегеях и Зачепиловке более поздней хронологией начала поступлений монет к их собственникам (т.е. не ранее 639 г) сложно по причине наличия в обоих комплексах более ранних монет – Юстиниана (545-565 гг), Фоки (602-610 гг), Ираклия (610-613 гг) и брактеата монеты Ираклия с Ираклием Константином (613-626 гг). А.И.Семёнов и И.В.Соколова объясняли подобную ситуацию неоднократностью поступлений монет к кочевникам из Византии (в таком случае, сепаратных для каждой микрогруппы?), что при территориальной близости комплексов из Перещепины и Зачепиловки вызывает ещё больше вопросов. Гораздо рациональнее будет предположить, что распределение выплат внутри кочевнической среды происходило по принципу "причастности-непричастности" к причине самой выплаты (см.: Комар А.В., 2006, с.53-55). Такое распределение, разумеется, логично ожидать

через вертикаль власти, и взоры нумизматов закономерно обращаются к Перещепинскому комплексу в поисках эталона, где их, впрочем, ожидает серьёзный подвох.

Атрибутируемый изначально как "клад", Перещепинский комплекс мало подходит на роль обычного монетного клада, и, тем более, не может отражать реальный состав "казны" данного кочевнического правителя. Для сравнения: в кладе с острова Майстров находились "несколько сотен" золотых византийских монет того же периода (Кропоткин В.В., 1962, с.31), причём их расположение в глиняном горшке, пожалуй, исключает версию о купеческом происхождении клада. Из 70 сохранившихся монет Перещепинского комплекса лишь один лёгкий солид и два тяжёлых "памятных" медальона не использовались в качестве украшений: 4 монеты превращены в бляшки с петлями, 3 соединены с пуговицами, остальные 60 принадлежали ожерелью (Залесская В.Н. и др., 1997, кат.39, 63-65). Отметим, что в разрушенном погребении из Екатеринославской губернии аналогичное ожерелье состояло из 72 подражаний солидам (Голенко К.В., 1956, с.292). Это число не случайно – именно 72 солида составляли литру золота. Поскольку в этом случае при помощи серебряных позолоченных отливок лишь имитировалось престижное ожерелье высшей знати, по всей видимости, первоначальное количество монет из перещепинского ожерелья также можно определить в 72 (т.е. утрачены 12 монет). Для украшений в комплексе использованы либо старые, либо неполновесные солиды. Единственный полновесный солид Ираклия попал в число "отбракованных" либо по ошибке, либо сознательно – по сравнению с другими солидами комплекса, демонстрировавшими содержание золота в диапазоне 95,78-98,1%, данная монета оказалась наиболее низкопробной – 91,28% золота (Залесская В.Н. и др., 1997, с.187-189).

Утилизация отбракованных старых, неполновесных и неполноценных монет в Перещепинском комплексе, а также наличие в нём тяжёлых медальонов делают данный комплекс реально репрезентативным только в отношении *непригодных* к денежному обращению монет. А, следовательно, присутствие в Зачепиловке и Келегеях полновесных выпусков солидов Ираклия с сыновьями и Константа

II, непредставленных в Перещепине, никак не свидетельствует о наличии у их собственников отдельных каналов поступления византийской монеты, недоступных “перещепинскому” правителю.

В Келегеях, наоборот, использованы в качестве подвесок к ожерелью полновесные солиды, тогда как две самые старшие в комплексе лёгкие монеты Юстиниана и Ираклия оставлены нетронутыми. В Зачепиловке ни одна из монет не пробита, но утверждение, что неполновесными являются только два маркированных солида Константа II, будет неточным. Монеты Ираклия № 3-4 весят 23 силиквы, а солид Фоки № 1 – 22,5 силиквы. Таким образом, хотя формально неполновесными являются две младшие монеты комплекса, *de facto* неполноценные экземпляры есть во всех трёх хронологических группах.

В Зачепиловке необычно только само число солидов, неиспользованных для украшений, которое для восточноевропейских кочевнических комплексов VII-VIII вв. с византийскими монетами на данный момент остаётся рекордным. Семь монет многовато для “оболов Харона”, даже если тюркские представления о пути в загробный мир предполагали наличие нескольких “помощников”, сопровождавших умершего. Если бы монеты располагались *in situ* в одном месте, можно было бы предполагать кошель, но эту возможность, похоже, исключает история находки. В данном случае, скорее, наблюдается символическая отдача умершему части его состояния.

Предметы византийской группы

К предметам, чьё византийское происхождение не вызывает сомнения, в Зачепиловке несомненно принадлежат золотые подвески (№ 8). Все сохранившиеся до нашего времени подтреугольные подвески оригинальны и не имеют точных аналогий. По-видимому, престижные предметы такого рода намеренно изготавливались не копированием, а с творческими решениями, призванными обеспечить украшениям оригинальность. В то же время ни один элемент зачепиловских подвесок не позволяет усомниться в их изготовлении византийским мастером.

Сама форма подвесок (подтреугольная с тремя привесками) восходит к античным серь-

гам. Среди византийских экземпляров подтреугольную форму сохраняют привески из египетского клада 1909 г (рис.19, 1) (*Ideals of beauty...*, 2010, p.56), абхазского п.7 Гиеноса (рис.19, 3) (Хрушкова Л.Г., 2002, табл.LXVII, 1) и беспаспортные подвески из Греции (Baldini Lippolis I., 1999, kat.II. 2. 5b). На византийских изделиях находят аналогии шарнирное соединение привесок (рис.19, 1, 2) (Baldini Lippolis I., 1999, fig.2), заполненные пастой касты с напаянным ободком из прессованного листа (рис.19, 2, 5) (*Early Christian and Byzantine*, 1947, cat.854) и касты с проволочными осями для жемчуга (, 2, 4) (Baldini Lippolis I., 1999, fig.2; Yeroulanou A., 1999, fig.55), сами пронизки жемчуга на золотой проволоке (рис.19, 1, 3, 19; 20, 3) (Baldini Lippolis I., 1999, fig.2; Gonosova A., Kondoleon Ch., 1994, cat.11), литые декоративные дроты из чередования биконических и шаровидных элементов (, 1, 3) (Yeroulanou A., 1999, fig.20; 90; 178), вытянутые золотые бусы-привески (рис.19, 8, 9) (Minchev A., 2011, fig.14; *L'Art Byzantine, Art Européen*, 1964, cat.415) и колечки из зерни в качестве прокладок между бусами (рис.19, 10) (*Sinai. Byzantium. Russia...*, 2000, cat.B14). Единственный необычный элемент, уже отмечавшийся выше, – это соединение подвесок со съёмной серьгой (рис.21, 1, 5), тогда как обычно такие подвески шли в комплекте с серьгой с запаянной круглой петелькой (рис.19, 1, 3-5, 7-9). Не исключено, что это адаптации византийских подвесок к более прихотливым вкусам кочевнического заказчика или же просто следствие ремонта. Судя по потере одной из золотых осей для жемчуга, а также абсолютного большинства зернёных колечек, подвески попали в комплекс действительно уже в изношенном состоянии, потеряв значительно в attractiveness.

Датировка зачепиловских подвесок на основании византийских аналогий в основном упирается в дату так называемого “Антинойского сокровища”, разошедшегося по разным коллекционерам и музеям, где отдельные элементы зачепиловских подвесок находят параллели в целой серии предметов (Dennison W., 1918, № 11, 14, 15, 18-21, 28, 29, 32-34). В 1909 г известный антиквар из Каира приобрёл клад украшений, часть из которого была продана Ч.Л.Фриру (сюда вошли подвески – рис.19, 1

Рис. 19. Аналогии зацепиловским предметам византийского круга: 1 – Египет, клад 1909 г (Freer Gallery of Art); 2 – Египет, клад 1912 г (British Museum); 3 – Ретимнона (Benaki Museum); 4 – Гуенос, п.7; 5 – Испания (Walters Art Museum); 6, 13 – Вильховчик; 7, 19 – происхождение неизвестно (Virginia Museum of Fine Arts); 8 – Малый Преславец; 9 – Греция (Heraclion Historical Museum); 10 – Сирия (Государственный Эрмитаж); 11, 14 – Кунбабонь, п.1; 12 – Болгария (Sammlung C.S.); 15 – Митилена; 16 – Греция (Kanelloroulos Museum); 17 – происхождение неизвестно (Römisch-Germanisches Zentralmuseum); 18 – Греция (Stathatos Collection). Без масштаба.

Fig. 19. Analogies to the Zachepilovka objects of the Byzantine circle: 1 – Egypt, treasure of 1909 (Freer Gallery of Art); 2 – Egypt, treasure of 1912 (British Museum); 3 – Rhetimnona (Benaki Museum); 4 – Hienos, burial 7; 5 – Spain (Walters Art Museum); 6, 13 – Vilkhovchik; 7, 19 – unknown origin (Virginia Museum of Fine Arts); 8 – Maly Preslavec; 9 – Greece (Heraclion Historical Museum); 10 – Syria (State Hermitage); 11, 14 – Kunbábony, Grave 1; 12 – Bulgaria (Sammlung C.S., München); 15 – Mitilena; 16 – Greece (Kanellopoulos Museum); 17 – unknown origin (Römisch-Germanisches Zentralmuseum, Mainz); 18 – Greece (Stathatos Collection). Unscaled

из Галереи искусств Фрира), вторая – Ф.Л. фон Гансу (в том числе гривна – 20, 4 и браслеты – Dennison W., 1918, № 32, 33 из Берлинского музея). Позже тому же антиквару поступила вторая партия находок, выдаваемая за часть предыдущего клада. В 1912 г девять предметов купил Д.П.Морган (в том числе браслеты – 20, 3 из музея Метрополитен), шесть остальных – В.Бернс (в том числе подвески – рис.19, 2 и ожерелье – рис.20, 2 из Британского музея). В 1913 г Ф.Л. фон Ганс вновь купил 4 предмета, а в 1914 г – единственный браслет (близкий подвеске – рис.19, 5 по форме и конструкции кастов – Dennison W., 1918, № 34 – все поступили в Берлинский музей). Целая серия поступлений, несомненно, указывает не на один клад, а на несколько, или же на системные раскопки нерядового византийского памятника. В первой информации местом находки называлась деревня Томеи возле Асьюта, затем таковым был назван район Шейх Абада или древний город Антиной; позже возникла версия об Александрии. Отсюда в разных каталогах место находки указывается либо просто как “Египет”, либо с различными уточнениями.

У.Деннисон связал сокрытие данного клада (кладов) с арабским завоеванием Египта в сер.VII в. (639-642 гг) (Dennison W., 1918, р.98). Но обилие монет 2-й пол.VI в. (и более ранних), использованных в декоре части предметов (Dennison W., 1918, № 1-3, 5-8, 30, 31), позволило исследователям относить часть комплекса к VI в., вплоть до юстиниановской эпохи. Следует отметить, что “шестой век” в XIX – 1-й пол.XX в. превалировал и при “антикварной” оценке большинства византийских ювелирных изделий в целом, тогда как VII в. в истории Византии представлялся “тёмным” периодом упадка. Картина по вещевымкладам с монетами, неиспользованными в качестве украшений, впрочем, свидетельствовала об обратном: в кладах из Акалана, Митилены,

“Сирии” (Dumbarton Oaks collection, № 6), Самоса младшие монеты принадлежали Ираклию (610-641 гг); в кладах из Пальмиры и Сиракуз – Константу II (642-668 гг); в кладе из Панталики – Константину IV (668-685 гг); а в кладе из Ламбузы находилась чаша с клеймом времени Константа II.

В Зачепиловке собственный terminus post quem по монетам – 642/643 гг, что близко времени завоевания Египта арабами. Наконец, важная деталь: из состава “Антинойского сокровища” мы не упоминали в качестве аналогий зачепиловским подвескам ни одного предмета с монетами VI в. Не исключено, что египетским искателям сокровищ действительно досталось несколько кладов, один или несколько из которых принадлежали к кон.VI – нач.VII в. Вторая группа предметов, вне сомнения, связана с событиями 639-642 годов.

Из других комплексов перещепинского круга в качестве условных аналогий могут быть привлечены крест из Келегеев с центральным гнездом под пастовое заполнение (Prichodnjuk O.M., Chardaev V.M., 2001, kat.9.10), золотой кубок из Перещепины (Залеская В.Н. и др., 1997, кат.76) и аграфы из ст.Романовской, декорированные в древности по контуру протянутой проволокой с жемчужными бусами (Семёнов А.И., 1985, рис.3), круглая подвеска-медальон из Глудос с бисерным концентрическим декором (Сміленко А.Т., 1965, табл.ІІІ, 2), а также оформление комбинацией из двух крутых и одного каплевидного каста византийских оковок шкатулки (?) из Перещепины (Залеская В.Н. и др., 1997, кат.16). Разумеется, отмеченные параллели – не более, чем общие стилистико-технологические признаки византийских изделий VII-VIII вв., которые были актуальны ещё и в X в. (ср.: Тотев Т., 2000, обр.17; 19; 33-35).

Несколько более “предметный” ряд аналогий могут дать аварские находки. Полностью

Рис. 20. Аналогии зачепиловским предметам византийского круга: 1 – происхождение неизвестно (Virginia Museum of Fine Arts); 2 – Египет, клад 1912 г (British Museum); 3 – Египет, клад 1912 г (Metropolitan Museum of Arts); 4 – Египет, клад 1909 г (Staatliche Museen zu Berlin). Без масштаба.

Fig. 20. Analogies to the Zachepilovka objects of the Byzantine circle: 1 – unknown origin (Virginia Museum of Fine Arts); 2 – Egypt, treasure of 1912 (British Museum); 3 – Egypt, treasure of 1912 (Metropolitan Museum of Arts); 4 – Egypt, treasure of 1909 (Staatliche Museen zu Berlin). Without scale

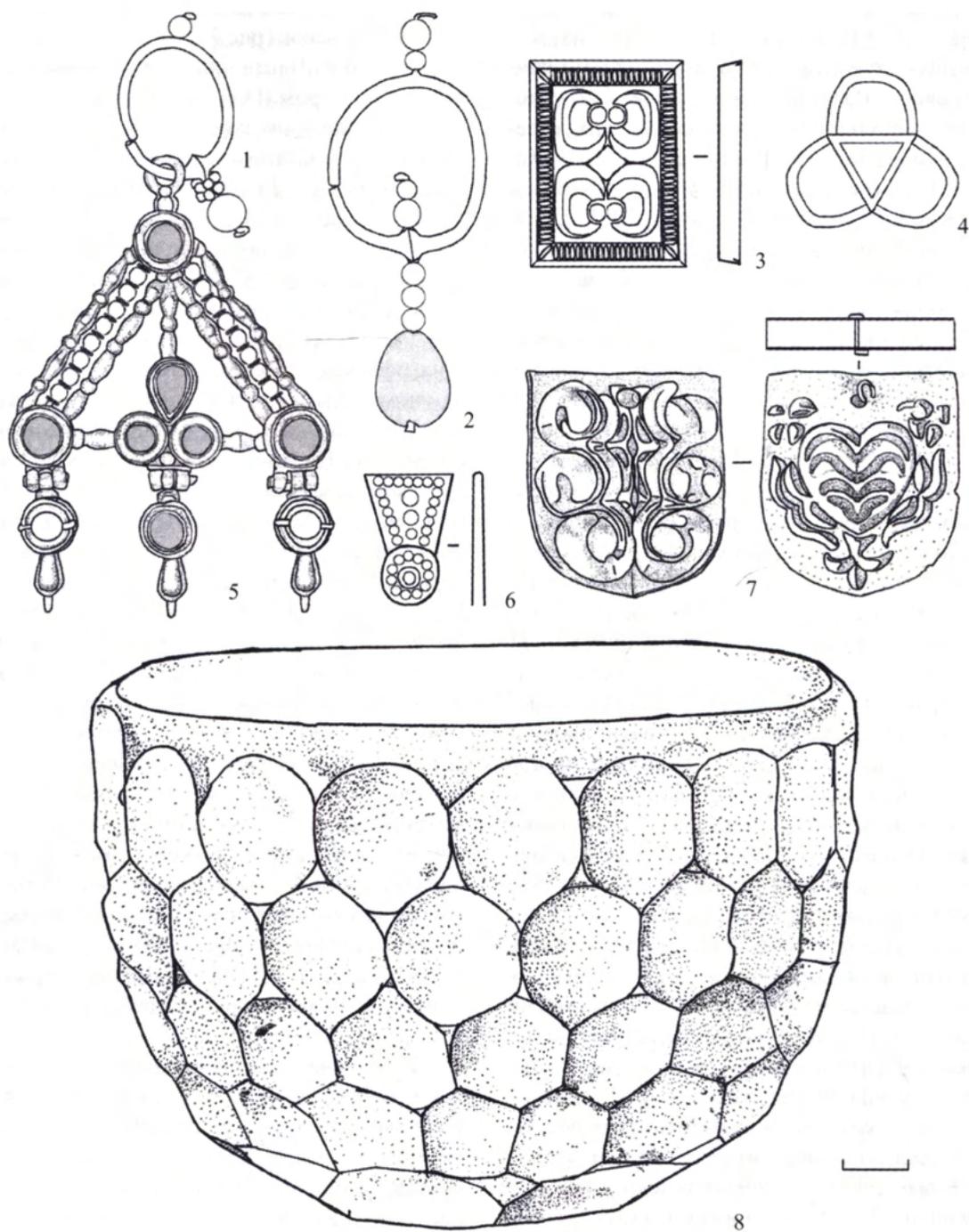

Рис. 21. Реконструкция первоначального облика предметов из Зачепиловки: 1, 2, 5 – серьги и подвески; 3, 4, 7 – ременные детали; 6 – оковка деревянного сосуда; 8 – стеклянная чаша.

Fig. 21. A reconstruction of the Zachepilovka objects: 1, 2, 5 – earrings and pendants; 3, 4, 7 – belt fittings; 6 – binding of wooden bowl; 8 – glass bowl

аналогичные касты с пресованным ободком отмечены на кресте и подвесках к ожерелью из Озоры-Тотипусты (Garam E., 2001, taf.XV). Сами подтреугольные подвески здесь известны в двух вариантах: с противостоящими птицами вверху (Garam E., 2001, taf.18, 1, 2) – мотивом, характерным для византийских изделий времени Константа II – Константина IV (Комар А.В., Стрельник М.А., 2009, с.152-157), и подвеской из Рацкеве (Garam E., 2001, taf.18, 3) с изображением развёрнутых в разные стороны птичьих голов, аналогичным бляшкам из Кунбабоня (рис.19, 14) (Toth E.H., Horvat A., 1992, kat.1) и Бочи, а также бляшкам из восточноевропейских геральдических наборов и Сирии (Werner J., 1989, abb.16; taf.17, 19; Toth E.H., Horvat A., 1992, kat.16; abb.58). Как демонстрирует пряжка из Болгарии (рис.19, 12) (Die Welt von Byzanz..., 2004, kat.441), несомненно, связанная с наборами стиля Вильховчик (рис.19, 6, 13) (Приходнюк О.М., 2001, рис.67), тот же “зооморфно-геральдический” стиль был положен и в основу прототипа византийской пряжки из Кунбабоня (рис.19, 11). Собственно птичьих головок на кунбабоньской пряжке нет: либо этот элемент характерен только для “варварской” трактовки наборов данного стиля, либо здесь использован другой сюжет, например, сюжет дельфинов, наблюдаемый на византийской подвеске из Каирского музея (Dennison W., 1918, fig.45), привлечённый У.Деннисоном в качестве аналогии подвескам из “Антиноиского сокровища”. Сама же техника и стиль декорации пряжки эмалью в мелкие гнёзда ближайšie аналогии находят в Перещепине и Сирмии, причём пояс из последнего (Поповић И., 1997, kat.1-11) декорирован идентично пряжкам из клада с Сицилии из коллекции Dumbarton Oaks (Ross M.C., 1965, № 5), связываемом с событиями восстания и убийства Константа II в 668 году.

Византийские клады времени арабского завоевания Малой Азии и Египта (30-40 гг VII в.) довольно многочисленны, тогда как ситуация с кладами времени Константа II (642-668 гг) значительно хуже, а период правления Константина IV (668-685 гг) вообще представлен только одним кладом 1903 г из Панталики (Baldini Lippolis I., 1999, p.37-41). В последнем наше внимание привлекают серьги с широким гнездом, в котором на продольных осях за-

креплены жемчужные бусы меньшего диаметра (Orsi P., 1910, tav.A, 5, 6) – аналогичную реконструкцию мы предполагаем для зачепиловских подвесок (рис.21, 5).

Кольцо из Панталики с прорезным растительным декором (Orsi P., 1910, tav.A, 4) полностью аналогично кольцевой части перстней из коллекций Статоса и Музея искусств Вирджинии (рис.19, 18, 19) (Yeroulanou A., 1999, fig.184; Gonosova A., Kondoleon Ch., 1994, cat.11). Несмотря на то, что перстни с лепестковым приёмником для гнезда – один из самых распространенных типов византийских перстней VII в. (Yeroulanou A., 1999, kat.323-332), в их оформлении есть нюансы. В частности, на упомянутых перстнях присутствуют литые петли для ободка из жемчуга. В группе кладов с монетами Ираклия и малоазийских времени арабского завоевания перстни обычно простые (рис.19, 15, 16) (Everyday life in Byzantium, 2002, cat.553; 582). Более сложное кольцо у перстней из Мерсинского клада (Кондаков Н., 1896, табл.XVIII, 4, 5; Sinai. Byzantium. Russia..., 2000, cat.B13f). А у перстня клада из “Сирии” из коллекции Dumbarton Oaks прорезное кольцо и жемчужный декор на щитке (Ross M.C., 1965, № 179, P). Так же, как и в случае с “Антиноиским сокровищем”, клад включал ожерелье с медальонами ранневизантийского стиля и монетами VI в., в связи с чем весь клад датирован М.Россом VI в. Правда, также в этом кладе находится и ожерелье с застёжками, близкими застёжкам ожерелий из Панталики (Ross M.C., 1965, № 179, C; Orsi P., 1910, fig.2) и Ниссории (Baldini Lippolis I., 1999, p.139), которых в кладах 1-й пол.VII в. нет.

Теоретически, конечно, нельзя исключать, что и в этом случае комплекс не является закрытым и соединён из нескольких разновременных частей. С другой стороны, такую же ситуацию придётся предполагать и для Мерсинского клада (Кондаков Н., 1896, табл.XVIII, XIX), история покупки которого более прозрачна, а происхождение с наибольшей долей вероятности связано с походом Му’авии 644 г в Киликию (Большаков О.Г., 2000, с.163). Несмотря на наличие в последнем ожерелья с застёжкой и монетами VI в., остальной комплекс предметов – поясной набор, второе ожерелье с крестом, серьги с птицами, близкие зачепи-

вв., а литых имитаций – до XII в. (Carboni S., Whitehouse D., 2001, cat.24; 74).

Зачепилровка выступает в настоящее время крайним северо-западным пунктом с находками иранского стекла, причём значительно оторванным от Центрального и Северо-Восточного Кавказа – ближайшего региона поступлений стекла сасанидского круга. Впрочем, металлическая сасанидская посуда представлена в Северном Причерноморье в целом ряде кочевнических комплексов перещепинской культуры – Перещепине, Келегеях, Глодосах, Павловке, Лимарёвке.

Стекланный кувшин из Зачепилровки (рис.15, 10), судя по ойнохоевидному горлу, другого круга – византийского. Аналогичный кувшин из зелёного стекла происходит из п.221 Замарди (Bardos E., Garam E., 2009, taf.26, 1) среднеаварского периода. Аварский круг аналогий уместен и для набора бус из Зачепилровки. К такому выводу подталкивает обилие красноватых бородавчатых бус с ромбическими окантовками белыми линиями (Bardos E., Garam E., 2009, taf.172, 1-3; 182), а также “чечевичных” бус, характерных для заключительной фазы среднеаварского периода (фаза IV: 670/680-710/720, по А.Пастору) (Pastor A., 2008, s.318-319; tab.2; abb.7). В Восточной Европе концентрация подобных бус наблюдается только в Крыму и на Северо-Западном Кавказе, что говорит о “юго-западных” каналах поступлений (Ковалевская В.Б., 2000, с.27, 49), связанных в основном с мастерскими Византии.

Среди кочевнических комплексов Восточной Европы стеклянная посуда отмечена, кроме Зачепилровки, только в Перещепине и Келегеях. В Перещепине большинство сосудов были уничтожены при стихийных раскопках крестьянами, сохранившиеся фрагменты принадлежали в основном кубкам из зелёного стекла византийского производства (Залесская В.Н. и др., 1997, с.240-241). В Келегеях остатков стеклянных сосудов собрано больше, но в настоящее время они известны только по описаниям в рукописи А.К.Тахтая. Один (№ 74), вероятно, представлял собой разновидность бутылки-колбы с узким горлом из зелёного стекла; второй (№ 75) – кувшин с ойнохоевидным сливом и “желобками” по корпусу (также из зелёного стекла); третий (№ 76) – подобный

предшествующему более крупный кувшин из светло-синего стекла с дуговидными каннелюрами ниже плечиков; четвёртый (№ 77) фрагмент “цилиндрического” сосуда из тонкого стекла с валиком посередине, по-видимому, обломок бокала (Тахтай А., 1932, с.32-33).

Келегейские стеклянные кувшины, хотя и не являлись точной аналогией зачепилровскому, тем не менее, несомненно, отражают тот же круг экономических контактов. Также важно сочетание посуды византийского и сасанидского происхождения, которое тесно связывает Зачепилровку с Перещепиной и Келегеями.

Предметы “варварской” группы

Предметы собственно кочевнического круга или изготовленные мастерами оседлых культур по заказу кочевников в Зачепилровском комплексе сохранились несколько хуже, хотя архивной информации вполне достаточно, чтобы понять место комплекса в относительной колонке перещепинской культуры. Общие моменты связей уже анализировались ранее в контексте Перещепинского комплекса (Комар А.В., 2006), но не лишним будет обратить внимание на детали.

Литые браслеты с ребристым утолщением посередине из Перещепины, согласно наблюдениям В.Н.Залесской, спаяны из двух половинок (Залесская В.Н. и др., 1997, кат.12), тогда как в Зачепилровке они цельнолитые. Пропорционально зачепилровские браслеты тоньше перещепинских, по этому показателю им ближе всего браслеты из Глодос, усложнённые, впрочем, напаянным кастом по центру (Сміленко А.Т., 1965, табл.V, 5, 7). Тип относительно редкий по количеству находок, но с довольно широкой географией – такие находки известны в Крыму (Айбабин А.И., Хайрединова Э.А., 2008, табл.164, 23, 24), Приуралье (Голдина Р.Д., 1985, с.37, табл.IV, 7), Восточном Приуралье (Левина Л.М., 1996, рис.141, 23-25), на Алтае (Кубарев В.Д., 1984, с.33; рис.5, 17) и в Монголии в поминальном комплексе Бильгэ-кагана (Баяр Д., 2004; Эрдэнэболд Л., 2009, с.135, 136). Браслеты с расширенными концами и утолщением по центру на Северном Кавказе представлены двумя типами: с утолщением округлого сечения (Абрамова М.П., 1982, рис.6; Ковалевская В.Б., 2005, рис.48, 16; 54, 24) и с уплощённым с внутренней стороны

утолщением (Ивашенко М.М., 1947, рис.19, 2; Ковалевская В.Б., 2005, рис.58, 11; 60, 8), развитым далее в кавказских и салтовских браслетах VIII в. В византийском кладе из Митилены представлен тип с круглым в сечении утолщением и сужающимися концами (Everyday life in Byzantium, 2002, cat.516).

Серьги большого размера отмечены также в Глодосах, но на них нет ребристого утолщения внизу, а нижняя подвеска подвижная, закреплена на припаянном снизу колечке (Сміленко А.Т., 1965, табл.V, 2). Вариант зачепиловских серёг, несомненно, скопирован с оригинала с подвижной подвеской с шипом сверху, присутствующим в рассматриваемой группе только в Келегеях (Prichodnjuk O.M., Chardaev V.M., 2001, kat.15); аналогией копии с неподвижной подвеской выступают небольшие серьги из п.5 Директорской Горки (Абрамова М.П., 1982, рис.6). Аметистовые каплевидные бусы украшали серьги из Ясиново (Айбабин А.И., 1985, рис.2, 11, 12) и к.1 Шиловки (Багаутдинов Р.С. и др., 1998, табл.VII, 3, 4); в Перещепине бусина аналогичной формы из сапфира (Залесская В.Н. и др., 1997, кат.67). Пара меньших зачепиловских серёг более традиционна – их прототип с подвижной подвеской, кроме Ясиново и ст.Романовской, широко представлен в погребениях новинковского типа (Стащенко Д.А., 1997). Из комплексов перещепинского круга неподвижная подвеска серёги также наблюдается в Капуловке, где дополнительно находит аналогии двойное колечко из зерни (Мельник К., 1893, табл.VIII, 193). Такие же колечки украшали серьги из п.5 Директорской Горки и к.13 Дорофеевского могильника (Круглов Е.В., 1992, рис.3, 7).

Точных аналогий зачепиловским среди аварских серёг нет, но отдельные близкие конструктивные элементы (подвеска с шипом сверху, зернёное колечко, каплевидная аметистовая подвеска) можно отметить на среднеаварских серёгах из Озоры-Тотипусты, п.II Игара и п.12 Дунапентеле, носящих выразительные следы византийского ремесленного посредничества, хотя сам тип причислять к византийским в настоящее время нет оснований (Somogyi P., 2009, fig.1; 3-5). Наиболее ранние прототипы известны по изображениям фресок Афрасиаба, появившихся вскоре после событий 662 г (Yatsenko S.A., 2004; Arzhantseva I.A.,

Inevatkina O.N., 2006, p.308), где изображён вариант с короткой каплевидной подвеской (Альбаум Л.И., 1975, табл.ХХIV). Вариант же с длинной подвеской и набором бус приобрёл наибольшую популярность у восточных тюрков в кон.VII – VIII в. (Кубарев Г.В., 2005, с.59-60; рис.16, 1-3), причём на тюркских экземплярах особо следует отметить фиксацию бусины горизонтальной крючковидной петелькой, аналогичной зачепиловским (рис.11, 2-4).

Витая тонкая золотая гривна находилась в Келегеях (Prichodnjuk O.M., Chardaev V.M., 2001, kat.9.10), а в комплекте с витыми браслетами – в к.3 Уч-Тепе (Иессен А.А., 1965, рис.30). В п.1 к.8 Старонижестеблиевской золотые браслеты изготовлены из круглого в сечении дрота, тогда как гривна из витого (Атавин А.Г., Паромов Я.М., 1991, рис.1, 1, 2; 3, 1, 2). Аналогии зачепиловскому комплексу происходят и из среднеаварских комплексов Озоры-Тотипусты (Garam E., 1992, taf.71, 5, 7; 72, 1) и Мадараша (Laszlo G., 1955, pl.LXV, 6, 7), причём находки из Озоры следует выделить в качестве ближайших аналогий зачепиловским благодаря отсутствию на концах браслетов петель замков.

Широкая серебряная прямоугольная пряжка обнаружена в Келегеях (Prichodnjuk O.M., Chardaev V.M., 2001, abb.4, 2), но она не является точной аналогией зачепиловской (рис.14, 1) ввиду массивности; ближе ей пряжки из м.291 и склепов 321, 329 Скалистого (Веймарн Е.В., Айбабин А.И., 1993, рис.37, 14; 50, 1). Ближайшей аналогий по форме и стилистике лицевой части поясного наконечника (рис.14, 2) выступают детали из Ясиново (Айбабин А.И., 1985, рис.3, 4; 5, 1, 2), особенно близка по оформлению прямоугольная бляшка (Айбабин А.И., 1985, рис.3, 3). В Зачепиловке аналогичная прямоугольная бляшка (рис.14, 3) выполнена и технологически, и стилистически иначе – в виде бронзовой пластины, обтянутой золотой фольгой. И техника исполнения, и декор данной бляшки аналогичны поясным бляшкам из Вознесенки, подражающим византийскому поясному набору стиля “Акалан” (Комар А.В., 2006, рис.35, 1-8). Многочисленные изделия из Вознесенки с декором в стиле “растрёпанной пальметты” (Комар А.В., 2006, рис.27) в качестве точной аналогии стилистике зачепиловском наконечнику привлечь сложно, ближе

ему стиль завитков бляшек из ст.Романовской (Семёнов А.И., 1985, рис.5; 6). Прессованные подражания “геральдическим” трёхлопастным бляшкам известны в Камунте (Уварова П.С., 1902, табл.V), Вознесенке и п.90, 93 Чир-Юрта (Ковалевская В.Б., 2005, рис.62); технологически (обтягивание фольгой медной основы) они сходны с поясными и сбруйными бляшками из Вознесенки. В крымских комплексах синхронного горизонта трёхлопастные бляшки представлены в склепах 321, 325, 381 Скалистого (Веймарн Е.В., Айбабин А.И., 1993, рис.47, 27, 28; 48, 19; 60, 20).

В то же время на обратной стороне зачепиловского паяного наконечника (рис.14, 2) находится декор в византийском стиле “точка с запятой”, сочетающийся с волнистым (рис.20, 3), который также наблюдаем на наконечнике из Глудос (Сміленко А.Т., 1965, табл.V, 4). Судя по паяной конструкции и византийскому декору обратной стороны, зачепиловский наконечник можно отнести к предметам, изготовленным по заказу кочевника мастером византийской школы.

Полусферические сбруйные бляшки (рис.14, 12-20) представлены в Вознесенке и Глудосах (Сміленко А.Т., 1965, рис.29, 4, 5; табл.VIII, 6, 8), а также в среднеаварских сбруйных наборах стиля Кунаготы (Laszlo G., 1955, pl.LX; Garam E., 1992, taf.7, 8); по технике исполнения ближе всего бляшки из Вознесенки. Сбруйные пряжки с медными обоймицами находят аналогии в Вознесенке и п.3 к.5 Заплавки (Шалобудов В.Н., 1983, рис.1); комплект стремян в целом – в Вознесенке, аркообразное стремя – в Ясиново (Айбабин А.И., 1985, рис.1, 2), а восьмёркообразное (?) с широкой подножкой, но только с одним ребром жёсткости, судя по описанию, было в Келегеях (Тахтай А., 1932, с.6-7). Как подчеркивалось выше, Вознесенка аналогична Зачепиловке и по набору наконечников стрел; небольшие обрывки кольчужного плетения найдены в Келегеях и Вознесенке.

Зачепиловское перекрестье меча ближе всего по форме и пропорциям перекрестьям из Перещепины, Вознесенки и Глудос (рис.16, 3, 7, 8), но в Перещепине перекрестье украшено иначе – золотой насечкой. Аналогичные по форме перекрестья представлены на тюркском изваянии из Отрара (рис.16, 9) (Самашев З. и

др., 2009, с.34); схематически подобные перекрестья изображены и у тюркских персонажей в живописи Афрасиаба (рис.16, 8) (Аржанцева И.А., 1987, рис.1, 1, 3, 6). У авар обтянутые листом из драгоценного металла перекрестья (рис.16, 10, 11) характерны для среднеаварского периода горизонта Озоры-Тотипусты – Игара (тип II/a, по Г.Чики) (2010, с.210). Их форма отличается от восточноевропейских перекрестий более выраженным центральным ромбовидным выступом и скруглёнными окончаниями.

Аналогичные зачепиловским оковки деревянного сосуда найдены в Вознесенке, а гончарные аланские сосуды канцирской традиции представлены в Вознесенке, Ясиново и Келегеях. Недалеко от Зачепиловки, у с.Мачехи (рис.18, 3), в 1903 г был обнаружен горн с грузкой подобными сосудами (Макаренко Н.Е., 1911, с.116-118). Из поступивших в коллекцию ПКМ сосудов из Мачехи все орнаментированы лощением, тогда как на фото из Зачепиловского комплекса видны лишь грубые расчески по мокрой глине, аналогичные многочисленным сосудам поселений балки Канцирки. Какой-то сероглиняный гончарный кувшин упоминается и в п.3 к.1 Топыла (Левченко Д.И., 2001), расположенного северо-западнее Зачепиловки (рис.18, 6). Круглое литое зеркало кавказского происхождения среди северопричерноморских кочевнических комплексов было лишь в Геленовке, но с другим декором (Rulikowski E., 1880, tab.III, 10).

“Кавказский” вектор связей среди “варварских” предметов в Зачепиловке репрезентирован керамикой и зеркалом, “тюркский” – вооружением и железными предметами снаряжения коня, “византийский” – поясными деталями; сочетание “тюрко-согдийских” и византийских элементов наблюдается в серьгах и поясном наконечнике.

Датировка

Относительную позицию Зачепиловского комплекса в ряду памятников перещепинского круга определяют предметы “варварской” группы. Детали ремней (бляшки, наконечник), предметы вооружения (перекрестье меча, наконечники стрел) и снаряжения коня (стремена, сбруйные пряжки и бляшки), серьги тесно связывают Зачепиловку с Вознесенкой, Ясиново и Глудосами. С комплексами предшест-

вующего горизонта (Перещепина, Келегеи, Капуловка, к.3 Уч-Тепе) Зачепиловку объединяет только набор личных украшений из золота: браслеты (литые с ребристым утолщением и из дрота), гривна, серьги, перстень с двумя шариками вокруг щитка, которые представлены также и в комплексах горизонта Вознесенки (Глодосы, Ясиново, к.13 Дорофеевки, п.1 к.8 Старонижестеблиевской).

Из погребений оседлого населения Северного Кавказа Зачепиловскому комплексу ближе всего п.5 Директорской Горки (серьги, литые браслеты, поясные детали, стремяна), наиболее ярко связанное с горизонтом Вознесенки. В Крыму аналогии (трапециевидные и прямоугольные пряжки, трёхлопастные пряжки, серьги, браслеты) происходят из могил 291, 293 и склепов 321, 325, 329, 381 Скалистого, п.4 склепа 39 Лучистого. Последнее отмечено А.И.Айбабиным и Э.А.Хайрединовой к горизонту 2-й пол.VIII в. (Айбабин А.И., Хайрединова Э.А., 2008, с.63-67, рис.30, 31), но оснований для этого нет. Аварские аналогии Зачепиловке полностью сосредоточены в погребениях среднеаварского периода горизонта Озоры-Тотипусты – Игара (перекрестье меча, стремяна, витые гривны и браслеты, серьги, набор бус, сбруйные бляшки, детали пояса).

Абсолютный репер среднеаварского горизонта – монета Константина IV 669-674 гг чеканки из Озоры-Тотипусты, принадлежащая к последнему поступлению солидов к аварам (Somogyi P., 1997; Somogy P., 2008). Аналогичные реперы синхронного Зачепиловке горизонта Крыма представлены бронзовыми монетами Константина IV (668-685 гг) из п.4 склепа 257 Эски-Кермена и Юстиниана II 686 г чеканки из п.12 склепа 122А Лучистого (Айбабин А.И., Хайрединова Э.А., 2008, с.61-63). Для восточноевропейских кочевнических комплексов горизонта Вознесенки репером выступают солиды Константина IV 681-685 гг и Леонтия II 695-698 гг из погребения у ст.Романовской (Семёнов А.И., 1985, с.91-92). Индивидуальные связи погребения у ст.Романовской с Зачепиловкой ограничиваются серьгой, аметистовой бусиной и декором тиснёных пластинок свёрнутой пальметтой (Семёнов А.И., 1985, рис.5-7), хотя общие технологические признаки объединяют также византийские аграфы из Романовской и подвески из Зачепиловки. Из

северокавказских комплексов внимание привлекает оттиск монеты Юстиниана II 705-711 гг из Камунты (Уварова П.С., 1902, taf.V, № 435), который вместе с прессованными бляшками горизонта Вознесенки и прессованными трёхлопастными бляшками, аналогичными зачепиловским (рис.14, 8-11), числится под одним каталожным номером № 51 на планшете Тифлисского музея на фото из Архива ИИМК (№ Q.506.45).

“Варварская” часть Зачепиловского комплекса не даёт ни малейших оснований для сомнений в его полной синхронности горизонту Вознесенки. Таковые возникают только при сравнении византийской части комплексов перещепинского круга. В трёх синхронных комплексах (Вознесенке, Глодосах и Ясиново) количество предметов собственно византийского облика мало, хотя целый ряд предметов может быть продукцией ювелиров византийской школы, работавших по заказу кочевников. Здесь нет византийских монет и стекла, византийских личных украшений, которые отмечены в Перещепине, Келегеях и Зачепиловке. И монеты, и украшения византийского стиля вновь появляются в погребении из ст.Романовской, но новый эпизод прямого контакта двух культур происходит не ранее 695 года.

Создаётся впечатление, что канал экономических контактов с Византией, к которому имели доступ собственники комплексов из Перещепины, Келегеев и Зачепиловки, вскоре прервался. Доступа к нему не успели получить собственники “правобережных” комплексов из Глодос, Ясиново, Капуловки и “пограничной” Вознесенки, обнаруженных довольно далеко как от Келегеев, так и от Перещепины. Наибольшая концентрация находок византийских солидов VII в. закономерно наблюдается вокруг Перещепины, образуя две группы по бассейнам рек: ворсклинскую и орельскую (рис.18). Южнее, в Днепропетровской области, известны два пункта: Майстровский клад и разрушенное погребение с отливками монет Константа II, причём самый большой Майстровский клад обнаружен в 30 км севернее Вознесенки. На Правобережье из находок с монетами следует выделить лишь погребение у с.Печена (около 40 км от Глодос) с монетой Ираклия 629-632 гг, известной только в Перещепине, и погребение из Журавлихи в Поро-

сье с солидом Константа II выпуска 646-651 гг, которого нет в богатых комплексах круга Перещепины. Также территориально изолированными в настоящий момент выглядят Келегеи. Изолированно, если говорить лишь о комплексах высшей знати, но, разумеется, не рядовых погребениях типа Сивашовки.

Следуя “политической” трактовке особенностей распределения византийских солидов в среде кочевников А.И.Семёнова, комплексы горизонта Вознесенки следовало бы признать принадлежащими особой группе кочевников, несвязанных с “перещепинской” группой. Такому выводу откровенно противоречит комплекс из Зачепиловки – данная группа населения и на этапе Вознесенки занимала всё ту же территорию, скрывая ритуальные комплексы в бассейне Ворсклы. Собственно, с таким же успехом особой группой можно признать и всю “правобережную” часть комплексов перещепинской культуры, что, вероятно, будет более близким к реальности.

Зачепиловка, как и остальные комплексы горизонта Вознесенки, отражает фазу развития перещепинской культуры в момент разрыва поступлений новых византийских монет к кочевникам. Новую фазу поступлений периода 695-705 гг маркируют погребение у ст.Романовской и погребальные комплексы Волго-Донского междуречья типа Соколов-

ской балки, из которых с горизонтом Вознесенки в настоящее время хронологически стыкуется только к.14 Подгорненского IV (Комар А.В., 2006, с.52-53). При этом показательно, что в к.13 Дорофеевского могильника, выступающем в настоящий момент наиболее ранним памятником соколовского типа (хотя и без квадратного ровика) горизонта Вознесенки, набор солидов состоял из монет Фоки (602-610 гг) и Ираклия и Ираклия Константина 613-625 гг чеканки (Круглов Е.В., 1992, с.155, рис.4; 2002, с.82), т.е. в среднем ещё более старых, чем в Зачепиловке.

Солит Константина IV 669-674 гг чеканки из Озоры-Тотипусты маркирует *terminus post quem* для финала горизонта Перещепины – Келегеев и одновременно начала горизонта Вознесенки, *terminus post quem* финала которого, в свою очередь, определяется солидом Леонтия II 695-698 гг из Романовской для кочевнических комплексов и индикацией монеты Юстиниана II 705-711 гг из Камунты – для Северного Кавказа. Время археологизации комплекса из Зачепиловки, с одной стороны, должно тесно смыкаться с Келегеями, с другой – приходится на период, когда все ключевые элементы перещепинской культуры горизонта Вознесенки уже были сформированы. Таким характеристикам лучше всего отвечает рубеж VII-VIII вв. или уже – кон.VII века.

Литература и архивные документы

- Абрамова М.П., 1982. Новые материалы раннесредневековых могильников Северного Кавказа// СА. № 2.
- Айбабин А.И., 1985. Погребение хазарского воина// СА. № 3.
- Айбабин А.И., 1991. Келегейское погребение военного вождя// Проблемы на прабългарската история и култура. Вип.2. София.
- Айбабин А.И., Хайрединова Э.А., 2008. Могильник у села Лучистое. Т.1. Симферополь; Керчь.
- Альбаум Л.И., 1975. Живопись Афрасиаба. Ташкент.
- Амброз А.К., 1971. Проблемы раннесредневековой хронологии Восточной Европы// СА. № 2.
- Амброз А.К., 1981. Восточноевропейские и среднеазиатские степи V – первой половине VIII вв.// Археология СССР. Степи Евразии в эпоху средневековья. М.
- Амброз А.К., 1982. О Вознесенском комплексе VIII в. на Днепре – вопрос интерпретации// Древности эпохи великого переселения народов. М.
- Амброз А.К., 1986. Кинжалы VII-VIII вв. с двумя выступами на ножнах// СА. № 4.
- Аржанцева И.А., 1987. Раннесредневековые мечи Средней Азии и проблема происхождения сабли// Древний и средневековый Восток. М.
- Атавин А.Г., Паромов Я.М., 1991. Болгарское погребение с золотым поясным набором из Нижнего Прикубанья// Древности Северного Кавказа и Причерноморья. М.

- Багаутдинов Р.С., Богачёв А.В., Зубов С.Э., 1998.** Праболгары на Средней Волге (у истоков истории татар Волго-Камья). Самара.
- Баяр Д., 2004.** Новые археологические раскопки на памятнике Бильгэ-кагана// Археология, этнография и антропология Евразии. № 4. Новосибирск.
- Большаков О.Г., 2000.** История Халифата. Т.2. М.
- Вайнштейн С.И., 1991.** Мир кочевников Центральной Азии. М.
- Веймарн Е.В., Айбабин А.И., 1993.** Скалистинский могильник. К.
- Гавритухин И.О., 2001.** Эволюция восточноевропейских псевдопряжек// Культуры Евразийских степей второй половины I тыс. н.э. (из истории костюма). Т.2. Самара.
- Гавритухин И.О., 2005.** Хронология эпохи становления Хазарского каганата (элементы ременной гарнитуры)// Хазары. Москва; Иерусалим.
- Гавритухин И.О., Обломский А.М., 1996.** Гапоновский клад и его культурно-исторический контекст. М.
- Голдина Е.В., 2010.** Бусы могильников неволинской культуры (конец IV-IX вв.). Ижевск.
- Голдина Р.Д., 1985.** Ломоватовская культура в Верхнем Прикамье. Иркутск.
- Голенко К.В., 1956.** Имитация солида VII в. из Поднепровья// ВВ. Т.ХI. М.
- Граб В.І., Супруненко О.Б., 1991.** Археолог Олександр Тахтаї. Полтава.
- Грінченко В.А., 1937.** Пам'ятник VIII в., відкритий біля с.Вознесенки на Запоріжжі 1930 р.// НА ИА НАН України. Ф.Г/1.
- Гулиев Н.М., 1972.** Торговые связи Кавказской Албании в раннем средневековье (по археологическим данным). Автореф. дисс... канд. ист. наук. Баку.
- Залеская В.Н., Львова З.А., Маршак Б.И., Соколова И.В., Фоякова Н.А., 1997.** Сокровища хана Кубрата. Перещепинский клад. СПб.
- Зарецкий И.А., 1912.** Кладъ найденный при селе Малая-Перещепина Константиновскаго уезда Полтавской губерні// Труды Полтавской учёной архивной комиссии. Вып.ІХ. Полтава.
- Золота скарбниця України, 1999.** К.
- Ивашенко М.М., 1947.** Грузинские аналогии перещепинского клада// КСИИМК. Вып.ХVIII.
- Иессен А.А., 1965.** Раскопки большого кургана в урочище Уч-Тепе// МИА. № 125.
- Калантарян А.А., 2003.** Армения. Раннее средневековье (IV-VIII вв.)// Археология. Крым, Северо-Восточное Причерноморье и Закавказье в эпоху средневековья. IV-XIII века. М.
- Каталог выставки XII Археологического съезда в Харькове, 1902.** Харьков.
- Ковалевская В.Б., 1998.** Хронология восточноевропейских древностей V-IX веков. Вып.1: Каменные бусы Кавказа и Крыма. М.
- Ковалевская В.Б., 2000.** Компьютерная обработка массового археологического материала из раннесредневековых памятников Евразии. М.
- Ковалевская В.Б., 2005.** Кавказ – скифы, сарматы, аланы I тыс. до н.э. – I тыс. н.э. М.
- Комар А.В., 1999.** Предсалтовские и раннесалтовский горизонты Восточной Европы// Vita Antiqua. № 2. К.
- Комар А.В., 2006.** Перещепинский комплекс в контексте основных проблем истории и культуры кочевников Восточной Европы VII – нач. VIII в.// Степи Европы в эпоху средневековья. Т.5. Хазарское время. Донецк.
- Комар А.В., 2008а.** Кочевники Восточной Европы VI-IX вв.// Тюркское наследие Евразии VI-VIII вв. Астана.
- Комар А.В., 2008б.** Наследие Западнотюркского каганата в Восточной Европе// Збірка праць на пошану дійсного члена Національної академії наук України Петра Петровича Толочка з нагоди його 70-річчя. К.
- Комар А.В., Кубышев А.И., Орлов Р.С., 2006.** Погребения кочевников VI-VII вв. из Северо-Западного Приазовья// Степи Европы в эпоху средневековья. Т.5. Хазарское время. Донецк.
- Комар А.В., Стрельник М.А., 2009.** Подражание золотому византийскому поясному набору VII в. с изображением птиц// РА. № 2.
- Комар О.В., 2000.** Ранні хозари у Північному Причорномор'ї// Археологія. № 1. К.

- Комар О.В., Піоро В.І., 1999.** Кургани хозарського часу на Луганщині// *Vita Antiqua*. № 2. К.
- Комар О.В., Хардаєв В.М., 2011.** Колекція Зачепилівського (“Новосанжарського”) комплексу 1928 р.: втрачене і збережене// *Старожитності Лівобережного Подніпров'я*. Київ; Полтава.
- Кондаков Н., 1896.** Русские клады. Т.1. СПб.
- Кропоткин В.В., 1962.** Клады византийских монет на территории СССР. М.
- Круглов Е.В., 1992.** Хазарские погребения на р.Аксаї// *Древности Волго-Донских степей*. Вып.2. Волгоград.
- Круглов Е.В., 2002.** Некоторые проблемы анализа особенностей обращения византийских монет VI-VIII вв. в восточноевропейских степях// *Хазарский альманах*. Т.1. Харьков.
- Кубарев В.Д., 1984.** Древнетюркские изваяния Алтая. Новосибирск.
- Кубарев Г.В., 2005.** Культура древних тюрков Алтая (по материалам погребальных памятников). Новосибирск.
- Кулаковский Ю.А., 1996.** История Византии. Т.3. СПб.
- Левина Л.М., 1996.** Этнокультурная история Восточного Приаралья. М.
- Левченко Д. І., 2001.** Ранньосередньовічні поховання в урочищі “Топило”// *АЛЛУ*. № 2. Полтава.
- Ляскоронский В., 1903.** История Переяславской земли с древнейших времен до половины XIII столетия. К.
- Львова З.А., 2000.** Погребения в Малой Перещепине и Вознесенке и Куврат, каган Великой Булгарии// *Stratum*. № 5. Кишинёв.
- Макаренко Н.Е., 1911.** Археологические исследования 1907-1909 гг.// *ИАК*. Вып.43. М.
- Мельник К., 1893.** Каталог коллекции древностей А.Н.Поль в Екатеринославе. Вып.1. К.
- Мінаєва Т.М., 1961.** Кераміка балки Канцирка в світлі археологічних досліджень на Північному Кавказі// *Археологія*. Т.ХІІІ. К.
- Могильников В.А., 1981.** Тюрки// *Археология СССР*. Степи Евразии в эпоху средневековья. М.
- Могильников В.А., 2002.** Кочевники северо-западных предгорий Алтая в IX-XI веках. М.
- Орлов Р.С., 1999.** Про час появи печенігів на території України// *Етнокультурні процеси в Південно-Східній Європі в I тисячолітті н.е.* Київ; Львів.
- Орлов Р.С., Рассмакин Ю.Я., 1996.** Новые памятники VI-VII вв. из Приазовья// *Материалы 1 тыс. н.э. по археологии и истории Украины и Венгрии*. К.
- Поповић И., 1997.** Златни аварски појас из околине Сирмијума. Београд.
- Приходнюк О.М., 2001.** Степове населення України та східні слов'яни (друга половина I тис. н.е.). Київ; Чернівці.
- Рашев Р., 2000.** Прабългарите през V-VII век. В. Тырново.
- Рашев Р., 2004.** Прабългарите през V-VII век. София.
- Рашев Р., 2007.** Праболгары на юго-западной окраине евразийской степи// *Средневековая археология евразийских степей*. Т.1. Казань.
- Самашев З., Базылхан Н., Баяр Д., 2009.** Древнетюркские каменные изваяния евразийских степей// *Медени мура – Культурное наследие*. Астана.
- Семёнов А.И., 1985.** Художественный металл Романовского погребения на Дону// *Художественные памятники и проблемы культуры Востока*. Л.
- Семёнов А.И., 1986.** К реконструкции состава комплексов перещепинского круга// *АСГЭ*. № 27. Л.
- Семёнов А.И., 1987.** К культурной атрибуции раннесредневекового погребения из Учтепе// *КСИА*. № 192.
- Семёнов А.И., 1988.** К выявлению центральноазиатских элементов в культуре раннесредневековых кочевников Восточной Европы// *АСГЭ*. Вып.29. Л.
- Семёнов А.И., 1989.** Утраченные предметы памятников перещепинского круга// *Охрана и исследование памятников археологии Полтавщины. Тезисы докладов и сообщений*. Полтава.
- Семёнов А.И., 1991.** Византийские монеты Келегейского комплекса// *АСГЭ*. Вып.31. Л.
- Смиленко А.Т., 1968.** Находка 1928 г. у г.Новые Сенжары (по материалам обследования А.К.Тахтая)// *Славяне и Русь*. М.
- Сміленко А.Т., 1965.** Глодоські скарби. К.

- Сміленко А.Т.**, 1975. Слов'яни та їх сусіди в Степовому Подніпров'ї (II-XIII ст.). К.
- Соколова И.В.**, 1993. Монеты перещепинского клада// ВВ. Т.54. М.
- Спицын А.**, 1907. Могильник VI-VII в. в Черноморской области// ИАК. Вып.25. М.
- Сташенков Д.А.**, 1997. Об одной группе украшений Самаро-Симбирского Поволжья (серьги салтовского типа)// Культуры степей Евразии второй половины 1 тыс. н.э. (вопросы хронологии). Самара.
- Тахтай А.**, 1930. Ново-Санджарівський клад 1928 р. (попереднє подання) 17 с.// НА ИА НАН Украины. Ф.ВУАК, № 109/17а.
- Тахтай А.**, 1932. Келегейський “скарб” 1927 р.// НА ИА НАН Украины. Ф.ВУАК, № 116/48.
- Тахтай А.К.**, 1999. Погребальный комплекс хазарской эпохи из округа г.Чистяково Сталинской области// Vita Antiqua. № 2. К.
- Тишкин А.А., Горбунов В.В., Казаков А.А.**, 2002. Курганный могильник Телеутский Взвоз-I и культура населения Лесостепного Алтая в монгольское время. Барнаул.
- Тотев Т.**, 2000. Преславското съкровище. Шумен.
- Уварова П.С.**, 1900. Могильники Северного Кавказа// Материалы по археологии Кавказа. Т.VIII. М.
- Уварова П.С.**, 1902. Коллекции Кавказского музея. Археология. Т.5. Тифлис.
- Хрушкова Л.Г.**, 2002. Раннехристианские памятники Восточного Причерноморья. М.
- Чики Г.**, 2010. Сабли аварского периода в Карпатской котловине: вопросы типохронологии// Культуры Евразийских степей второй половины I тыс. н.э. Вопросы межэтнических контактов и межкультурного взаимодействия. Самара.
- Шалобудов В.Н.**, 1983. Погребение кочевника VIII века у с.Заплавка// Древности степного Поднепровья III-I тысячелетия до нашей эры. Днепропетровск.
- Эрдэнэболд Л.**, 2009. Раскопки саркофага уйгурского времени на территории Монголии// Медени мура – Культурное наследие. Астана.
- Adelson H.L.**, 1957. Light weight solidi and Byzantine trade during the sixth and seventh centuries// Numismatic notes and monographs. № 138. New York.
- Arzhantseva I.A., Inevatkina O.N.**, 2006. Iranian people depicted in Afrasiab wall painting (7th century AD)// Proceedings of the 5th Conference of the Societas Iranologica Europea (Ravenna, 6-11 ottobre 2003). Venezia.
- Baldini Lippolis I.**, 1999. L'Oreficeria nell'Impero di Constantinopoli tra IV e VII secolo. Bari.
- Balint Cs.**, 1992. Kontakte zwischen Iran, Byzanz und der Steppe// AWARENFORSCHUNGEN. B.1. Wien.
- Bardos E., Garam E.**, 2009. Das awarenzeitliche Gräberfeld in Zamárdi-Rétiföldek. T.I. Budapest.
- Carboni S., Whitehouse D.**, 2001. Glass of the Sultans. New York.
- China. Down of a Golden Age, 200-750 A.D.**, 2005. New York.
- Die Welt von Byzanz – Europas östliches Erbe. Glanz, Krisen und Fortleben einer tausendjährigen Kultur**, 2004. München.
- Dennison W.**, 1918. A gold treasure of the Late Roman period from Egypt. Studies in East Christian and Roman Art. P.II. New York.
- Early Christian and Byzantine**, 1947. Baltimore.
- Everyday life in Byzantium**, 2002. Athens.
- Garam E.**, 1992. Die münzdatierten Gräber der Awarenzeit// AWARENFORSCHUNGEN. B.1. Wien.
- Garam E.**, 2001. Funde byzantinischer Herkunft in der Awarenzeit vom Ende des 6. bis zum Ende des 7. Jahrhunderts. Budapest.
- Gonosova A., Kondoleon Ch.**, 1994. Art of Late Rome and Byzantium. Richmond.
- Grierson Ph.**, 1968. Catalogue of the Byzantine coins in the Dumbarton Oaks collection and the Whittemore collection. Vol.2. Washington.
- Hahn W.**, 1975. Moneta Imperii Byzantini. Bd.II. Wien.
- Hahn W.**, 1981. Moneta Imperii Byzantini. Bd.III. Wien.
- Harper P.O.**, 1978. The Royal Hunter. Art of the Sassanian Empire. New York.
- Ideals of beauty. Asian and American art in the Freer and Sackler Galleries**, 2010. Washington.
- L'Art Byzantine, Art Européen**, 1964. Athènes.

- Laszlo G.**, 1955. Etudes Archeologiques sur l'histoire de la société des Avars// AH. T.XXXIV. Budapest.
- Minchev A.**, 2011. The third Early Byzantine treasure from Odessos (Varna)// Ниш и Византија. Т.IX [электронный ресурс]. Режим доступа: <http://www.ni.rs/byzantium/doc/zbornik9/PDF-IX/07%20Alexander%20Minchev.pdf>
- Orsi P.**, 1910. Byzantina Siciliae// Byzantinische Zeitschrift. Bd.XIX. Leipzig.
- Pastor A.**, 2008. Ergebnisse der typochronologischen Untersuchung awarenzeitlicher Perlenfunde in Ungarn – Perlenstrich in der Früh- und Mittelawarenzeit// Antaeus. № 29-30. Budapest.
- Prichodnjuk O.M., Chardaev V.M.**, 2001. Ein Edelmetallfund des 6.-7. Jahrhunderts aus Kelecej, Ukraine// Eurasia antiqua. Bd.7. Mainz am Rhein.
- Roma dall'antichità al medioevo.** Archeologia e storia. 2001. Milan.
- Ross M.C.**, 1965. Jewelry, enamels, and art of the migration period. Vol.2. Washington.
- Rulikowski E.**, 1880. Mogila w Helenowce w powiece Wasylkowskim na Ukrainie w roku 1879 zbadana// Zbior Wiadomosci do Antropologii krajowej. T.IV. Dl.I. Krakow.
- Sinai. Byzantium. Russia.** Orthodox art from the sixth to the twentieth century, 2000. London.
- Somogy P.**, 2008. Neue Überlegungen über den Zustrom Byzantinischer Münzen// Antaeus. № 29-30. Budapest.
- Somogyi P.**, 1997. Byzantinische Fundmünzen der Awarenzeit. Innsbruck.
- Somogyi P.**, 2009. Origins of earrings with movable pendant of Middle Avar period// Степи Европы в эпоху средневековья. Т.7. Хазарское время. Донецк.
- Stern E.M.**, 2001. Roman, Byzantine, and Early Medieval glass. 10 BCE – 700 CE. Ostfildern-Ruit.
- Tait H.**, 1995. Five thousand years of glass. Suffolk.
- Toth E.H., Horvath A.**, 1992. Kunbabony. Das Grab eines Awarenkhagans. Kiskemet.
- Werner J.**, 1984. Der Grabfund von Malaja Pereschepina und Kuvrat, Kagan der Bulgaren. München.
- Werner J.**, 1989. Der Schatzfund von Vrap in Albanien. Wien.
- Yatsenko S.A.**, 2004. The Costume of Foreign Embassies and Inhabitants of Samarkand on Wall Painting of the 7th c. in the Hall of Ambassadors from Afrasiab as a Historical Source// Transoxiana. № 8 [электронный ресурс]. Режим доступа: <http://www.transoxiana.org/8>.
- Yeroulanou A.**, 1999. Diatrita. Gold pierced-work jewellery from the 3th to the 7th century. Athens.

Summary

A.V.Komar, V.M.Khardaiev (Kiev, Ukraine)

ZACHEPILOVKA (“NOVOSANZHARSKIJ”) COMPLEX OF TURN OF 7TH-8TH CC.

This paper describes the history of collections from the Early Medieval nomad complex of the Pereschepina culture found in 1928 near Zachepilovka village (Poltava region). Published in 1968 as “Novosanzharskij”, this complex was supposed to be lost during the Second World War. At present, 7 Byzantine solidi and 9 gold artifacts from the Zachepilovka complex have been identified in the collections of the Poltava Museum and the Museum of Historical Treasures of Ukraine (Kiev). A study of the archive materials, in particular A.A.Spitsyn's archive, enriches our ideas about the lost part of the complex, due to which images of 50 artifacts from the Zachepylivka complex have been added to the 20 published by A.T.Smilenko.

The analyzed complex includes a group of gold ornaments and glass tableware of Byzantine origin, which have analogies in complexes of the middle and the second half of the 7th century. However, objects of the nomadic style tie closely the Zachepilovka complex with the Middle Avar horizon of Igar-Ozora (post 669 AD) and East European horizon of Voznesenka (the finale after 695 AD), which rules out the division of Pereschepina and Voznesenka complexes into two separate cultural groups.

Статья поступила в редакцию в октябре 2011 г